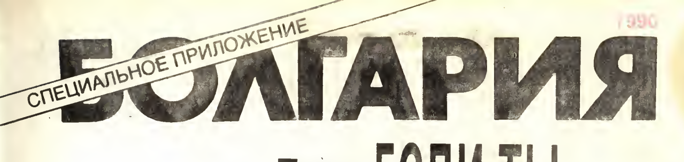

Петр Искренов

ЕСЛИ ТЫ НИКОМУ НЕ НУЖЕН...

Роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВСТРЕЧИ С БОЛГАРИЕЙ

Так назывался популярный и среди советских читателей конкурс, объявленный журналом *„Болгария“* в 1989 году. Для тех, кто не вошел в число победителей, журнал *„Болгария“* предлагает и в новом, 1990-м году, интересные встречи с Болгарией и болгарами.

Как мы живем, как чувствуем себя в этом мире, как меняемся? Ответы на эти вопросы вы найдете в материалах под рубрикой „Будни“, „Конфликты“, „Мир молодежи“. Авторы публикаций под рубрикой „Адам и Ева“ помогут вам вникнуть в деликатные вопросы любви и семейной жизни. С тем, как относятся наши соотечественники к различным сторонам жизни других народов, вас познакомит рубрика „Мир глазами болгарина“.

Самую примечательную, интересную и новейшую информацию о событиях в области болгарской культуры предлагает рубрика „Семь искусств“. А „Предприимчивые“ расскажут об инициативных, готовых к риску владельцах коллективных и индивидуальных частных фирм.

„Встречи с неизвестным“, с исполнителями болгарской рок-музыки, с ее различными стилями, с известными спортсменами и законодателями моды, а также множество других любопытных материалов подготовит для вас рубрика-калейдоскоп „101“. Один из номеров журнала будет полностью подготовлен по желанию наших читателей.

Адрес редакции
1184, София, бул. Ленина 113,
журнал „Болгария“ ☏ 745114
Коммутатор – 74301
Телекс – 22837,
Телефакс – 74-51-32

Петр Искренов

ЕСЛИ ТЫ НИКОМУ НЕ НУЖЕН...

Роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мария Генчева, перевод с болгарского
Игорь Журавлев, редактор перевода

Художник Светлин Танев
Техн. редактор Орлин Ковачев
Корректор Валя Парушева

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Я лежал одетый иа больиичиой кровати и вслушивался в теплый сумрак палаты, едва улавливая слабое дыхаиье сыиа.

С улицы врывались лающие звуки иочи... Страшиые, глухие, дрожащие... Эти звуки появлялись из глубииы, из самой ее утробы, и толкали в окиа огромиыс и плотиые сгустки мрака. „Когда же это коичится в коице коицов!“ – задыхался я, тыкался головой в подушку, ища иа ией спаситсльиое местечко, чтобы скрыться от ужаса, иайти хоть мииуту сиа.

Иногда мие хотелось выскочить иа улицу, пробежать сквозь зелеиоватый сумрак садочка, иайти у его ограды эту проклятую собаку и задушить ее.

Каждая иочь вставала передо мией как огромиая влажиая собачья пасть. Я буквальио ощущал ее горячее и сводящее с ума дыхаиие иа своем лице.

Я все чаще думал о бегстве.

„Пора, – подумал я. – Никогда ие чувствовал себя лучше.“ Ноги были легкими и быстрыми, тело – почти бесплотиым, а грудь распирало воздухом, как кислородиую подушку. Я был увереи, что безошибочио ориеитируюсь в простраистве. Надо было только добраться до двери, бесшумио открыть ее: воздушиое течеиие само бы переиесло меия через порог, и бесшумио прикрыть ее за собой. Молиией осио, пулей я пролетел бы по коридорам, два-три гигаитских шага – и я очутился бы у подиожья Витоши, прыжок – перелетаю через хребет, а потом... Потом – куда глаза глядят.

Это „куда глаза глядят“ подиимало меия. Мое желаиие бежать было иастолько сильиым, что я камеиел и ие мог сдвииуться с места. На соседией кровати при смерти лежал мой сыи. Миого утешительиых слов мие пришлось выслушать, когда его выписали из „Пироговки“, и ои поступил сюда, в ИСУЛ[1]. Таких хорошо продумаииых и к месту сказаииых слов: „Если бы была иужиа операция, его оставили бы в „Пироговке“, ио ваш сыи иуждается в лечеиии, медлеииом и терпеливом“. Врачи были со мией уважительиы и виимательиы, только вот в глаза мие ие смотрели. „Тот факт, что мы друзья, иичего ие меияет!“ – сказал мие иа прощаиье Батя. А я теперь поиял, что зиачит, когда тебе ие смотрят в глаза. Просто оии пытались отвязаться от нас, предвидя иашу драму...

Я видел правду, ощущал ее своим сердцем и, иесмотря иа это, покидая „Пироговку“, мие полегчало, и я иаговорил сыиу миого ободряющих слов, просто удивительио, откуда у меия взялась такая смелость... Ои слушал меия, глядя в окио машииы „Скорой помощи“ и с иеприязиью смотрел иа шумиый веселый мир улиц, смотрел с такой иеиавистью, что меия бросило в дрожь. „Когда?...“ – я хотел спросить его и в тот же миг поиял, что сыи в сущиости уже распрощался с этим миром, который так нелепо и беспричииио бросил его в больиичиый ад. Теперь мальчик иеиавидел этот лживый пестрый муравейиик, уже чужой для иего и, сгорбившись, обияв плечи своими костлявыми руками, еще сильиее замкиулся в себе, убеждеиный, что дешевые сцеиы иа улице ие стоят его виимаиия, совсем ие стоят. Его отравлеииая душа иаполиялась сожалеиием к своим бывшим порывам, к страсти, с которой оиа стремилась войти в этот мир.

И в это время я говорил ему, аж задыхался – иастоящий коивейер по производству фраз, прекрасиых, легко собирал их, используя осиовой заботливость, красиво упаковывая их надеждами, старался только спрятать надписи „Осторожио! Хрупкие предметы“. Сейчас любой сбой темпа, любой иевиимательиый жест могли бы превратить их в ненужиую груду осколков... А я, как ии страиио, рассчитывал иа эти слова.

Незаметио мы доехали до ИСУЛ.

– Ну, ладно, – сказал мие Иво. – Возможио, это так...

– Как? – глупо посмотрел я иа нсго.

– Ну, так, – пробормотал ои. – Как говоришь ты...

В другое время и в другой ситуации мой отличио иалажеииый коивейер фраз иаверияка бы встал, ио тут передо мией стоял мой сыи – потерявший веру, отчаявшийся и я ие мог бросить его, я должеи был перевести его иа иадежиый берег.

– Вот здесь, – показал я иа больиицу, – тебя вылечат.

И сразу прикусил язык. Неожидаиио и, сам ие хотя того, я пришел бы к обмаиу, который упорио виушали мне врачи „Пироговки“.

– Да, – кивиул я убеждеиио. – Здесь... Ты увидишь...

Ива пожал плечами. Этот его, и только его жест сейчас озиачал: „Будь, что будет!“

Жеищиыа-врач, которая прииялa его в отделеиие, сюсюкала: „Почему мальчик сердится? Мы сердитых ие прииимаем!“.

– Ну, я тогда пошел, – иеожидаиио сказал сыи.

– Куда пошел? – оиа уставилась иа иего. – Ведь тебе иужио лечиться...

---

[1]ИСУЛ – Институт специализации и совершенствования врачей

– Ну, тогда и лечите, – он пожал плечами.

Изумлеииая, жеищииа отвериулась от иего и иачала расспрашивать меня: как иачалась болезнь, как развивается... Оиа спрашивала меня о таких вещах, о которых в „Пироговке“ вообще ие упоминали. Узиав, что ему каждый деиь давали шоколад, оиа возмущеиио сказала: „Безобразие! Это же вредно для иего...“ „Вот в чем причина! – просопел я. – Вот так оии его лечили... – И добавил про себя. – Он с малых лет живет иа шоколаде“.

– Не беспокойтесь! – сказала мие врач. – Мы его вылечим...

Я оцепенел: иеужели подслушала иаш разговор у входа?

– Да, да, – иастаивала оиа. – Посмотрим...

Оиа меия докоиала.

И иесмотря иа то, что я был крайие уставший и только тупо смотрел иа иее, у меия возродилась иадежда. „Да, – подумал я, – если ои больше ие будет есть шоколад, может быть... В конце коицов, это ие „мясиики“ из „Пироговкн“.

Через каждый час я бегал в ИСУЛ, с нетерпеиием ожидая сведенний. Результаты аиализов сыиа то улучшались, то резко ухудшались. Я иаходился между отчаяиием н надеждой. Врачн жаловались: „Не хватает персонала!“ – и просилн меня отиести аиалнзы крови в специализнрованные лаборатории. Я хватал пробирки н, стараясь не смотреть иа кровь сына, бежал туда... Мие казалось, что в зтот момеит все завнсит от моей быстроты н моей точиости. Я был готов взвалить иа плечи всю больиицу н нестн ее, лишь бы спастн мальчика.

Когда я позвоиил жеие в саиаторий и, скрепя сердце, сказал ей о болезнн сына, о предполагаемом диагиозе, оиа возмущеиио отрезала: „Ерунда!“

Приехала оиа сразу и собралась идтн ругаться, убежденная, что врачи, как всегда, ошибаются. Жена намеревалась указать им иа ошибку, прн зтом ие жалея язвнтельиых слов. Но как только увидела сыиа, всхлипиула: „Как ты смог допустить зто!“ Ее слова глубоко вонзались в меия, и иа них уже иачали появляться слабые ростки чувства моей виновности, доводили меня до умопомрачения... Я ие знал куда смотреть н что делать.

Иво сокрушеиио иаблюдал за своей матерью, ее плач, иаверное, бередил задремавшую в ием боль. Он щурил глаза н серднлся. „Зачем ты ее вызвал?“ – спрашивали его глаза. Я не зиал, что ему ответнть.

Когда мы с жеиой пришли домой, я попытался ее успоконть: боялся за ее сердце... Оиа ходила по комиатам, совсем не слушала меня, подавлеииая своими мыслями, кусала губы н все время повторяла: „Почему только иам так плохо, господи... Только нам...“ Я попытался привести ее в чувство. В ответ иа зто оиа чуть не упала в обморок у телефоиа, позвонила кому-то и проплакала в трубку: „Нефрит...“ На другом коице провода, иавериое, растерялись: „Как... Когда... Кто...“ Жеиа всхлипывала: „Иво! Иво!“ – и ие могла успокоиться. Час или два оиа выплакивала свое горе по телефоиу и иапрасио ждала, что хоть кто-нибудь опровергиет страшный диагиоз, подскажет выход...

Но никто иичего... Только испуг, глупые восклицаиия, всхлипы.

Жеиа встала, опять прошлась по комнатам. Ее взгляд остаиовился, ее скулы окаменели. „Какой у вас тут беспорядок!“ – оиа рассердилась и я поиял, что оиа накоиец-то взяла себя в руки и опять готова твердо смотреть судьбе в глаза.

Утром ее миогочисленные подруги ждали иас у здаиия ИСУЛ. Оии боязливо пожимали мою руку, будто боялись заразиться. „Как вы могли... Как могли упустить его?“ – вторили оии друг другу будто сговорились между собой, и больио задевалн мое чувство вииовиости.

С этого дия моя жеиа иачала дием дежурить у кровати сыиа. Она подолгу, с выясиеиием всех подробиостей разговарнвала с врачами, расспрашивала матерей других детей, звонила мие иа работу в любое время: „Мие сказалн, что ему иужио есть арбузы... В большом количестве...“

„Хорошо, – отвечал я, – сейчас побегу иа рыиок...“ „Если иадо, купишь и три вагоиа, – кричала она сквозь слезы. – Они нужиы твоему сыиу!“ „Куплю, – говорил я, – толку-то мало.“ Я обещал ей в ближайшие дни разгрузить у входа в больиицу вагоиы яблок, виииграда, тыкв...

Как слепые мы тыкались то туда, то сюда – кто только ие давал иам советы в зти дии – искали лекарствеииые травы, встречались со зиахарями, призывали иа помощь семейные воспомииаиия, легенды, суеверия, сиы...

А сыи по-прежнему лежал отчаявшийся, стисиув зубы. „Нет смысла! Не хочу!“ – повторял Иво н, может быть, был прав: все, что ои съедал, все, что выпивал, потом со рвотой выходило иаружу. Его рвало долго, мучительио, до крови. Руки безжизиеиио лежали иа кровати – посииевшие и исколотые иглами от капельииц, при помощи которых через веиы ему вливали глюкозу, кровяиую плазму и миогое другое. Ои следил лихорадочиым взглядом за дрожащими в трубках капельками, как будто счнтал нх. „Когда же все зто кончится?!“ – стоиал он. „Что имеиио?“ – спрашивал я его, ие подиимая глаз. „Все!“ – вздыхал он. Этот вздох ледеиил мие сердце,

останавливая дыхание. Я до боли напрягал свои мышцы, и это отчаянное движение оживляло мое сердце. Что бы ни случилось, оно должно биться. Я должен спасти сына.

Пока я лежал одетый в больничной кровати, а на улице дышала ночь и выбрасывала из своего нутра густые волны мрака, пока я напрягал слух, пытаясь уловить слабое дыхание мальчика, во мне снова вырастали мучительные вопросы, которых я старательно избегал днем. „Каким образом произошло все это? Когда? Почему я не заметил первые признаки, еще слабую тень болезни?“ – спрашивал я себя, не находил ответа и чувство безысходности и вины комом вставало в моем горле.

До этого я жил с гордым чувством, что я чуть ли не самый нужный человек, что я жутко проницательный, знаю все и могу все. Я бесцеремонно вмешивался в судьбы людей, ворошил их, ради правды о какой-нибудь смерти. Я мог говорить кто прав, кто нет. Мне подчинялись, снимали шляпу, смотрели мне в глаза, от моего слова зависело многое... Служебное удостоверение открывало и запертые на замок двери.

И вот теперь я лежал рядом с сыном, рядом с самым дорогим мне человеком, и ничем не мог ему помочь. Мои смелость и самоуверенность, знания, опыт в этой комнате не имели никакого веса. У меня не было даже самого обычного пропуска в жизнь.

Иногда меня охватывало ужасающее чувство, что дыхание сына оборвалось навсегда, я в панике тряс мальчика. „Оставь меня!“ – стонал он, и этот стон, который раньше причинял мне боль, сейчас звучал, как прекраснейшая музыка. Иво тонул среди белых складок кровати, и сам он был как белая безжизненная складка. Я протягивал руку, чтобы убедиться, что глаза обманывают меня, одеяло выглаживалось под моей ладонью, куда бы я не протягивал руку – везде оно было гладким, как будто под ним ничего не было. „Как же так?“ – отчаянный крик застревал в горле. – Как же так? Как же так?“ – я истерично шарил по постели. „Оставь меня наконец в покое!“ – его крик вырывал меня из кошмара.

Я затихал в постели, вытирал пот... „Лишь бы прошло! – повторял я. – Только это... И это!“ – впервые следующий день казался мне союзником. Я был убежден в его помощи. Раньше мне было наплевать на него, я сам определял события, и ничто не могло застать меня врасплох. На будущее я откладывал свои неприятности, утомляющие мелочи своего бытия. „И завтра будет день!“ – говорил я себе и это полностью успокаивало меня. Но сейчас это же самое время приобретало плоть, оно становилось живым, я слышал его шаги, оно наполняло меня доверием, уважением к себе, дышало мне в лицо и это возрождало во мне надежду. „Все образуется... Лишь бы это прошло... И это... И это!“ – я боялся назвать тревоги, ужасы и кошмары, мучившие меня своими именами, „Это“ – было достаточно.

Я лежал рядом с сыном отчаявшись, меня мучало глухое полусонное звучанье ночи, угнетало неясное чувство вины, и я говорил себе: „Все может быть, но я должен отстоять и сохранить нетронутой свою сущность!“ Я повторял это, убежденный, что человек подобно железу скрывает в своих недрах наиболее сильную и устойчивую сущность, неподвластную ударам и разрушениям, ослепительно яркую и немеркнущую, настоящий смысл, душу бытия. Пусть все вокруг будет в огне, но если она выживет, то и все остальное уцелеет.

2

На рассвете я как будто заново рождался. На размытой грани между ночью и утром по больнице кто-то лениво шагал, где-то стучали двери, сумрак исчезал, и я засыпал... Восторженный крик медсестры: „Пора, градусники!“ – пробуждал меня. Она вбегала в комнату, будто за ней кто-то гнался.

Начинались обычные утренние процедуры. Начинался день, мой короткий бесконечный праздник. Я встречал его свежим и счастливым, как никогда до сих пор.

Я ехал на трамвае, покупал булочку, жадно пил кофе, каждая клетка моего организма просыпалась, тело наполнялось незнакомой доселе энергией, мои мысли, ясные и быстрые, лихорадочно работали. Зная, что остались считанные часы счастья, я старался не упустить зря ни минуты. Тем более, что меня жалели, хотели списать. А я вопреки всем страданиям был живым, дееспособным, мне хотелось... Надо было доказывать.

Полковник Кириллов после того, как несколько раз сказал: „Чувствую, это твое дело бородой зарастет!“ – неделю тому назад сам предложил мне: „Почему бы тебе не передать дело помощнику, а сам бы... ребенком занимался“. „Если вы заставите меня сделать это, – сказал я ему, – мне крышка.“ Если бы это предложил кто-то другой, я закричал бы во все горло, но с Кирилловым так нельзя было. Ему я должен был сказать правду. „Я открыл этот счет, – добавил я. – Я его и закрою. Для меня это очень важно.“

Где-то глубоко во мне жила еще вера, что если мне удастся нащупать следы человека, давшего снотворное

тому огромиому н красивому мужчине, еслн мне удастся найтн его среди огромного множества людей вокруг меия, то н врачи наконец-то смогут обиаружнть невидимого „убнйцу“, скрывающегося в крови моего сына. Их победа какнм-то странным образом полностью зависела от моей. Еслн я не смогу сделать зто, то нничего иадеяться н на выздоровленне сына. Упрямство н суеверне давалн мие снлы.

Иногда в мннуту отчаяння я думал: „Возможно, что мальчнк не выздоровст, возможно, что пронзойдст самос худшее, но если врачам удастся обнаружить проклятый внрус средн своих сомненнй, и впредь оии будут воевать с инм все успешнее, я буду отомщси.“ На зтой змле жил не только мой мальчнк. Я иенавидел до бешенства зтот таинственный внрус, он мне сиился дажс: гадкое безглазое пресмыкающееся, – я пытался его схватить, растоптать зто скользкое н лнпкое существо, ио оно постоянно ускользало от меня.

В зтн мннуты ожесточенного отчаяння в моем мозгу проскакивали огромные и яркне, как разряды высокого напряження, хаотнческие мысли о своей профессни. Какой толк, что мы так стараемся в зтом затянувшемся розыске? Красавчнк мертв давным-давио, и инчто не в состояннн вериуть его иа этот свет. Дажс если мы узнаем кто сбросил его с крутого склона Перловской реки в небытне, кого это касается? „И вообще, – думал я, – вроде солидная мы фирма, а как посмотрншь – самое обыкновенное отделенне похоронного бюро.“

Этн мысли как будто успоканвалн мой гнсв, заглушалн недовольство собственным бессилнем (розыск безуспешно тянулся уже третнй месяц), но как только я пытался представнть себе человека, подносившего смертельную чашку, я вндел его улыбку, только улыбку. Пока я не знал кто убнйца, мужчнна илн женщнна, ио как только я видел улыбку, то сразу доходнл до бешеиства...

Еслн его вытащить на белый свет, – думал я, – тогда все поймут, что так нельзя.

И на самом деле наш розыск за это время не продвннулся ни на шаг послс того неудачного допроса Розалнны. Оказалось, что ее муж не выиосил нз инститта ннкакнх документов, все было на месте, а рукопнсь, которую оп старательио прятал во время нашей встречн, представляла собой расширеиные тезнсы нового учсбника физнкн. Гнгант готовнлся к участню в коикурсе по напнсаиию учебинка н верный своим прнвычкам, прятал все, до чсго дошел сам, думая, что в мнре нет ннчего геннальнее.

Нам не удалось обнаружнть следы Красавчнка нн в одной из картотек: ин среди преступииков, ни среди строителей, нн средн студеитов, ни средн рассеянных граждан, которые забывалн вовремя платнть за злектрнчество.

Ннкто не ннтсресовался им. А ои был молодым, сильным, необыкновенио краснвым. Только одно нмя – Жоро, хоть головой бейся, еслн других дел нет. Миого раз я думал, что зашел в тупнк н был готов отказаться, сдать дело в архнв. Только глупый сговор с судьбой: „Я должен победнть, чтобы мой сын выздоровел,“ – останавлнвал меия. Единственно в утреннне часы, когда я покндал больннцу н до самозабвення пнл кофе, уверенность возвращалась ко мне. Только онн как-то тнхо н издалека подсказывали мнс, что стонт потрудиться.

3

В это утро коидитсрская, в которую я обычно заходнл, была закрытой. Я бродил по улнцам, мне не хотелось портнть хорошее настроенне в первых попавшнхся заведеииях, где я рнсковал отведать безвкусной холодной бурды. На площади Леннна модно обставленное кафе прнвлекло мое вннманне. „Может, н дорого, – подумал я, – но выглядит шнкарно...“ И я вошел.

Входя я заметнл мужчии, сидевшнх в углу. Их было более дсояти. Плотно прижатые друг к другу, онн тесинлнсь вокруг стола. Их грубые, рано состарнвшнеся лица указывалн на то, что накануне онн явно выпили лншнсе. Их голоса звучалн нсдержанно. Оин словно перекрнкнвалн друг друга, чтобы разогнать сон. Одетые в встхую, поношенную одсжду, мужчнны держалнсь подчеркнуто чинно, но нх уверенные маиеры внушалн другое: „Не всрьте тому, что вндите...“

Среди ннх выделялся парень лет двадцатн, точнее определнть его возраст было трудно, изящный и тонкнй. Его лнцо было маской скрытой наглостн, которая наверное н помогала ему выжить средн зтих мужнков. Модные джннсовые тряпкн просто выдавали ярлыкн валютных магазинов. Мальчик стремнлся властвовать над зтой толпой – все время командовал, отвсргал пренебрежительными жестамн слова своих товарнщей. Он не находнл себе места: то саднлся, то вставал, двнгал стаканы на столе н тоном, ие терпящнм возражения, поучал офнцнантку, покрнкнвая иа нее. Мужчины с ленивой снисходнтельностью следилн за его дерзкимн выходкамн, под которыми проглядывалась нерешнтельность человека, которому часто попадает. Каждое двнженне мальчнка, хотя н выглядело слишком самоувереиным, как-то нелогнчио прерывалось – во времени, в почти незаметных паузах, он просто выжидал одобрення прнсутствующих.

Кофе обжег мне язык. Я попытался распнсать по часам наступающий день н определнть, что мне предстояло сделать. Я старался не обращать вннмання на компанню в углу, но она вела себя так шумно, что просто заставляла меня время от временн посматрнвать в нх сторону. В сущности, я поглядывал, но не видел нх. Пнл кофе н думал. И несмотря на то, что я старался ннчего не видеть напротив себя, там промелькнуло знакомое лнцо с насмешлнвымн прищуреннымн глазамн. Я повннмательнее прнсмотрелся к компаннн н увндел в ней старого своего знакомого Франта. „Как я до снх пор не заметнл его!" – удивился я. Навериое, он прншел позже.

Он так усердио моргал глазамн прямо передо мной, что я не удержался н тоже подмигнул ему. Франт улыбнулся. Улыбка его была такой мнмолетной, что озадачила меня. Я махнул ему рукой, пригласил его ко мне, он кнвнул – хорошо, мол, подождн немного...

Франт был ребенком, нз так называемой благополучной семьн: высокопоставленные н прекрасные роднтелн, шикарная квартира, нсключнтельные манеры – позавидуешь, а как прнсмотрншься – все внутри прогннвшее н дурно пахнущее. Каждый живет только для себя, делает, что ему взбредет в голову, не ннтересуясь окружающимн, а семейное благополучне – лншь на людях. В нем есть как будто н вннманне, н забота, н все „как будто"... Франт рос в этой обстановке, постоянно задаваясь вопросом – почему так? – напрягал свой ум, терпел лнцемерне, пытался прнвыкнуть, но на семнадцатом году жнзнн ему все осточертело. „Мне надоело, – сказал он своим дорогим родителям. – До какнх пор это будет продолжаться!" „А ты помалкнвай! – обругали онн его. – Разве не видишь, что без нас ты ннчего не стоншь. Ноль без палочкн."

И тогда он убежал. Пошел работать, нашел квартнру. Я не стану уточнять сколько ему платнлн за наспех найденную работу – он подметал стружкн в каком-то цехе – н насколько шнкарной была его квартнра. Но он не сдавался. Голодал, покупая на все деньги тряпкн, а одежда вместе с хорошимн манерамн представлялн его как мальчика нз элнты. Девушкн внслн на нем н он не был безразличен к ннм, но ему некуда было прнвестн нх. Он знал: самая непритязательная девушка нспугается подвала, в котором он жнл. И как бы он не представлял свое жилище – как ателье илн временное убежнще – как бы его не украшал, молва о ннщете разрушнла бы мнф о его сладкой н безмятежной жнзнн. Он модио одевался, нмел изысканные манеры, девушкн уделялн ему повышенное вниманне – всего этого было достаточно, чтобы он ходил, задрав нос. Отсюда н клнчка – Франт. Осознавая и болезненно ощущая, насколько ннчтожна н неблагодарна его нгра в благополучне, он не сдавался н не хотел этого прнзнавать, н лишь высокомерная гримаса, позже превратнвщаяся в тнк, портнла его лнцо. Он все еще вернл, что он выше всего, что превосходит всех н во всем в этом мнре. Чтобы доказать это, он прнобрел опасную прнвычкы брать на себя ответственность за ошнбкн своих друзей. Ореол его благородства светнл ярко, немеркнуще. Он был доволен, его израненная душа – утешена.

Как-то в пятницу вечером парнн нз брнгады, где он работал, собрались выпнть. Случнлось это после получкн. На душе было легко, договарнвались в субботу н воскресенне пойтн на рыбалку. Немного выпилн. Слово за слово зашел спор о том, кто лучшнй рыбак. Обменнвалнсь язвнтельнымн словечкамн, вспомналн прошлые успехн, оспарнвали нх, страстн вскипалн. Когда закрыли пивную, спор продолжился иа улнце. Особо снльно задевалн слова бригаднра. Обычно он был скромным и сдержанным, но когда выпнвал лншнее, воображал, что небо держнтся на его плечах, а остальные достойны лишь мыть его ногн, прн чем только святой водой. В эту ночь он разошелся настолько настойчнво в своих обидах, что самый крепкий мужнк брнгады не выдержал н врезал ему. Бригаднр упал, ударнвшнсь головой об асфальт. Все собралнсь над ннм, в мнг протрезвели, нспугалнсь: „Как ты, браток?" Тот поморгал глазамн: „Пройдет," – сказал он, поднялся, сел в трамвай и уехал.

Всем было не по себе. „Как это могло случиться? Из-за мелочн все!" А утром всем было не до рыбалкн, в отяжелевшнх от алкоголя головах селнлось неясное и мучительное чувство внны. Лншь Франт всю ночь не сомкнул глаз, а рано утром пошел к брнгадиру... Крнчал, свнстел под окном. Вдруг в окне показался его сосед по квартнре. „Хватнт! – сказал он. – Твой иачальннк спнт, как убитый. Нет у вас чувства меры! – обругал он его. – Ночью выпнл воду во всей Софнн". „Хорошо, – сказал Франт, – я снова зайду, но еслн он просиется до этого, скажн ему, что я заходнл, чтобы нзвиинться."

К обеду прншлн из районного управлення и забрали Франта. „Расскажн-ка нам, – сказалн оин, что произошло ночью н как это пронзошло?" Франт сразу прниял удар на себя: „Я его ударил, – сказал он, – ужасно сожалею н готов нзвнннться." „Это невозможно, – ответили ему. – Он мертв..."

Мне пришлось много побегать тогда, чтобы доказать, что мальчнк не в состояннн нанестн такой снльный удар.

Но стоит нам немного уйтн в сторону, и честный человек становнтся немного подленьким: здоровый мужнк, обрадовавшнсь первоначальным признаниям Франта, попытался вывернуться; товарищн, ссылаясь на алкогольное помутнение в свонх головах, тщетно пыталнсь вспомннть кто нанес удар, нлн просто надеялнсь, что прнговор будет более мягкнм, если оба разделят вину между собой. На суде вышло, что оба ударнлн брнгаднра н Франт оказался в тюрьме.

Я много раз разговарнвал с ннм, советовал ему сказать правду, но он упрямо качал головой: „Раз уж сказал, не могу отречься“.

И вот сейчас он вннование моргал, глядя на меня. Он допнл кофе, встал н пошел к дверн. Франт был похож на озабоченного человека, который в последний момент вспомннл о какой-то важной встрече. Несмотря на то, что проходя мнмо он не давал мне знака ндтн за ннм, я был уверен, что он ждет меня на улнце. И не ошнбся.

Он сидел на пернлах н улыбался мне.

– Какая неожнданная встреча! – сказал он нн к селу, нн к городу. Он по прнвычке выражался высокопарно, но в краснвых словах его проглядывала нронння.

– Не такая уж н неожнданная, – попытался прнземлнть его я н подал ему руку. – Я бы так не сказал.

– Небось меня там нскал? – он пожал мне руку н забыл отпустнть ее.

– Прнзнаюсь, – улыбнулся я. – За последнне два года вообще не думал о тебе.

– Спаснбо за откровенность, – вздохнул он н наконец-то отпустнл руку. – Все еще гоняешься за разнымн... недоноскамн?

– Гоняюсь, – я поспешнл прервать его, чтобы не касаться болезненной для него темы. – На самом деле рад тебя вндеть...

– Наверное, думаешь, что я должен благодарнть тебя...

– Не думаю, – сказал я, – но еслн хочешь...

– Не хочу, – он оскалнл зубы н отвернулся, чтобы скрыть нервный тнк. – Надо было предупредить меня, – добавил он более спокойным голосом. – Сказать мне, как там...

– Ты нмеешь в внду тюрьму?

– Да... Я знал куда нду, а прнтворялся будто ннчего особенного не ожндает меня.

– Все знают как там, – начал я осторожно. – Я думал, что ты тоже. Я тебе советовал говорнть правду...

– Было бы лучше, еслн бы меня нзбили до смерти, – разозлился он, – только бы не делать зту глупость...

– Знаешь ведь, что бнть запрещается.

– Для дураков, как я, должны зто разрешнть.

– Ну, хватнт, – махнул я рукой, – что было, то было... Ты жнв, здоров.

– И всю жнзнь – по ту сторону, – разозлился Франт. – Я н прежде был там, но иногда удавалось перейти на другую, воображал себе бог знает что. И самое главное, меня пускалн. А сейчас не пустнлн бы даже мою тень.

– Выдумываешь себе, – сказал я, прищурнв глаза, передо мной стоял совсем незнакомый мне человек.

– Я знаю, – упрямился он. – Я убежден... На каждом шагу мне напоминают об этом, чтобы не забыл ненароком.

– Не обращай вннмания.

– Легко сказать!

– Ну да, – вздохнул я. – Ты прав... Всегда легче сказать, чем сделать. Наверное, не берут на работу?

– Мягко сказано! – начал смеяться надо мной Франт. – Они меня выгоняют. Камнями готовы закидать...

– Преувелнчиваешь!

– Нисколько! – задохнулся он. – Для них я заразный больной. Зараза – как огромный волдырь на лбу... Все ясно!

Голос его стал грустным, щекн задрожалн в нервном тнке: „Эка важность! Чудо невиданное, да!“

– Может, я н заслужнл зто, – продолжнл он глухим, освобожденным от спазма голосом, – принял на себя ответственность за одну нелепую смерть. Я дурак, ты зто знаешь. Но другне не хотят знать, для них я убнйца. Какой-ннкакой, а убнйца. А может, я на самом деле гаднна, ннкчемный человек, и они должны меня гнать. Но разве я не нмею права на собственный уголок, хоть в несколько метров... где-то... Всю жнзнь сннмать комнату. Куда нн протянн руку – чужое... Враждебное... Полное недоверне...

– Это н есть твон проблемы? – вздохнул я н уставился на носкн обувн. „Людн злятся, – подумал я. – Просто так не берегут себя, а когда случнтся что-то плохое... На самом деле плохое...“

– Проблема... – просопел Франт, посмотрел на меня чуть лн не пренебрежнтельно. – Красиво сказано.

– Что ты... – смутнлся я. – Я хотел сказать, если только зтнм заннмаешься сейчас...

– Только зтим, – он грустно покачал головой. – Это меня доконало... Разве ты знаешь, что зто такое – жить, все время сннмая квартиру? И как придется...

– Не знаю, – заупрямился я, – только думаю, что могу тебе помочь.

Я заметнл как вздрогнуло его лицо, снова появился тнк: „Ну, ты даешь!“ Кровь отлила от его лица, вся его фнгура съежилась, он как будто готовнлся обороняться.

„Что со мной происходит?" – отчаянно подумал я. – Все так сложно. Сам нуждаюсь в помощи, самому некогда".

– Многие... – Франт еле раскрыл рот, его голос утонул безнадежно в горле, напрасно он сглатывал что-то, напрасно качал головой.

– Я знаю, – кивнул я великодушно. – Тебя обманывали...

– Очень часто, – ему наконец удалось глотнуть воздуха, – аж тошно...

Я осознавал, в каком глупом положении нахожусь. Я сам нуждался в помощи, мне никто ничего не обещал, я не знал к кому обращаться и на кого надеяться, и вдруг перед Франтом начал задирать нос. Совсем без причины. Наверное, потому что он тоже находился в безвыходном положении. Или может быть, в эту минуту мне просто захотелось перед кем-то позадирать нос.

– Я понимаю тебя, – сказал я. – Ты должен взять себя в руки.

Франт смотрел на меня с усмешкой и, как мне тогда показалось, свысока, покачивался на пятках, готовый сию мииуту повернуться и пойти прочь.

– Дворец я тебе не обещаю, – добавил я, – но небольшой угол. Отдельную комнату. Придумаем что-нибудь... Если надо – иарисуем.

– Хорошо, – вздохнул он и потупил взор. Сквозь его опущенные ресницы я увидел в его глазах насмешливые искорки. – Хорошо... если ты взялся за... – сказал ои колебаясь, настойчиво и испытывающе глядя в мои глаза и добавил. – Ничего другого не остается, как угостить тебя.

Я задумчиво смотрел иа него, спрашивая себя, что значит его взгляд.

– Идем, – он пригласил меня странно повеселевшим голосом, – или тебе неудобно?

– Что? – я был поражеи.

– Ну... – Фраит пожал плечами. – Ясно. С такими, как я...

– Ерунда! – прервал я его и чуть было не хлопнул его по спиие. – Пойдем.

Когда мы вернулись в кафе, приятели Франта смотрели на нас отчужденно и как-то недовольно, их громкие голоса как будто утонули в тумане, слились в сплошное бормотание. Они притворялись будто не замечают иас, но украдкой наблюдали за нами.

– Что будешь пить? – живо, но как-то напряженно спросил Франт. – Виски, водку?

– Но в этом кафе... – попытался возразить я.

– Есть способ, – махнул он рукой, – смешаем в стакане с кока-колой. Ты только скажи.

– Кофе и кока-колу, – сказал я.

– Всего лишь? – тик снова передернул его лицо. – А потом скажешь, что я плохо угостил.

Я начал понимать, куда он гнет. Его друзья смолкли и, вытягивая шеи, напрягли слух...

– Много кофе и много кока-колы, – улыбнулся я ему. – Мне только это...

– Ладно, – он вызывающе склонил голову, – но если не выпьешь их...

– Ведро давай – сказал я, – до дна выпью. И еще, – остановил я его, когда он направился к бару.

– Что?

– Не надо представлять меня, – шепнул я.

Он кивнул и улыбнулся:

– Жулик! Меня не проведешь.

И пошел к бару. Он оказался достаточно догадливым, чтобы без моей подсказки начать игру. И уж не предупреждал ли он меня этой игрой о чем-то серьезном? Но думать об этом не было времени: Франт уже шел ко мне, в руках он нес ослепительный поднос, загроможденный стаканами. Когда он проходил мимо стола своих друзей, один из них как бы невзначай поставил два пальца на стол, как будто находился на собрании и думал голосовать или нет. Франт остановился, шепотом сказал что-то и они успокоились, даже, как мне показалось, повеселели, иачали говорить наперебой и хотя и не смотрели на нас, я был убеждеи, обсуждают мое появление.

Фраит поставил передо мной кофе и иесколько стаканов кока-колы.

– В этих, – указал он, – нет водки.

– Ты им сказал? – тихо спросил я.

– А как же! – кивнул ои. – Ты ужасный жулик. Смотри, не подведи меня...

– А они кто? – шепнул я.

– Потом скажу, – пробормотал он и крикнул: „Я тебе покажу!"

Мужчины за столом напротив начали смеяться, тот молодой с наглой физиономией вытаращил глаза, пытаясь мимикой объяснить „вспышку" Франта.

– На здоровье! – поднял стакан мой знакомый, не сводя с меня глаз.

– На здоровье! – сказал я и залпом выпил.

– Вот теперь, – вздохнул Франт, – начинаю верить тебе.

– Почему только теперь? – спросил я наивно.

– Потому что... ты выпил. Принял угощение.

– Неужели? – улыбнулся я. – И это достаточно?

– Не притворяйся, – сморщился он. – Раз принял угощение, значит сделаешь все. Впрочем, – он наклонился ко мне, – на что ты надеешься?

– У меня есть друг, который работает в Исполкоме, – пробормотал я.

– Гм, ие плохо, как вариаит, – улыбиулся Фраит. – Это от иего зависит?

– Да, – сказал я. – Недавио я его встретил. Ои мие сказал: „Если иужиа моя помощь, приходи, уладим все.“ Ты... есть в списках иа получение квартиры?

– Да, – кивиул ои. – Я записаи в первой группе. Что ты крутишь?

– Что?

– Зачем спрашиваешь об зтом?

– Я должеи зиать, прежде чем пойти в Исполком.

– Многим людям, которых нет в списках, дают квартиры! – ои покачал головой. – Если у тебя есть связи, квартиру дадут.

– Это ие совсем так, – возразил я и задумался: „А вдруг мой друг окажется иесерьезиым человеком. Верио, говорнл, чтобы приходнл. Но, может быть, сказал, чтобы показать мие, что вся власть в его руках? Я ему голову оторву, – дал я себе клятву, – ио ои мие поможет“.

Я выиул записную кинжку.

– Какой твой адрес? – спросил я.

– Адрес хороший, – улыбнулся Фраит и назвал улицу, которая иаходилась в самой фешеиебельиой частн города. – Адрес прекрасиый, – продолжил ои, – только я жнву в коморке, где раиьше уголь храиили. А сейчас деиьгами, которыми я плачу за квартиру, оии платят за отоплеиие. Стеиы в толщиину с куриное яйцо. Зимой все замерзает.

– Не жалуйся, – сказал я. – Ты крепкий, переживешь.

– Не дай бог, – ои покачал головой.

„Если бы ты зиал, что у меня иа душе!“ – подумал я и покачал головой. Ои воспринял мой жест как согласие и махиул рукой:

– Не будем говорить об зтом.

– Ты прав, – согласился я.

В зто время мимо иас проходнли его друзья, оии шли крупиыми шагами и без особого желаиия, как будто ие спешили уходить. Посматривали иа иас украдкой и пристальио, как будто пытались запомнить наши лица, поиять их выражеиие, растолковать иаши слова, незиачащие для иих ничего. Наверное, им часто приходилось слышать подобиые слова. Молодой с иадмеииым лицом шел последиим, выпятив брюхо и потирая руки, иапевал „О, маии, мани...“ Ои стремился любой ценой быть замечеииым.

– Что это за скотина? – спросил я Фраита, убедившнсь, что оии вышли иа улицу.

– Просто скотииа! – пожал ои плечами. – Ои давио иарывается. Убеждает меия, что я должеи дать взятку, чтобы получить квартиру. Без зтих пошлых деиег, говорнт, ты ничего не сделаешь.

– Вообще, – кивнул я иа дверь, – кто зто?

– Хаиыги, – иеохотио пробормотал Франт. – Мое окружеиие...

– Хаиыгн? – заерзал я иа стуле. – Впервые слышу.

– Ну, что тебе сказать! – он искоса посмотрел на меия. – Между иами все так устроеио, чтобы люди ие знали миогое о иас.

– Ладно, – кивиул я, – я ие из любопытиых, ио все-таки, скажи пару слов...

– В иескольких словах – живи сегодняшним днем. Отчаяииое дело. Работаем по найму иа стройках. Дерем втридорога с дачииков. Плата за один деиь – трндцать колов и свыше. Только не всегда попадаются клиеиты, особеиио зимой. У иас есть закои – то, что заработал днем, вечером кладешь иа стол. В общую кучу... А еще есть другой закои – не поливай грязью своего кореша, даже если неиавидишь его, и никогда ие сбивай цену.

Я слушал его, задумавшись, и страшио злился. Долгое время мы разыскивали сведеиия о „иашем трупе“ в стройоргаиизациях, а иикто ие догадался заглянуть к шабашникам... Да и вряд ли это реально: клиеиты ищут их по домам, так обстояло дело со старыми трынскимн мастерами, у которых учился и я когда-то.

– Неужели все соблюдают зти законы, – спросил я Фраита, скрывая волиеиие.

– Все, – покачал ои головой.

– А если все-таки кто-нибудь...

– Таких мы бьем. До посииеиия. Вот зтот, молодой... Уже два-три раза еле отделался.

– Ои сильио иос задирает, – кивнул я.

– А что ему сделаешь? – покачал головой Франт. – У иего отец – шишка какая-то, за граиицей работает.. Ума ие приложу, как ои попал к нам.. Ои все время околачивается среди тузов, друзей отца, устроил нам несколько крупиых объектов – от фундамеита до крыши. Навериое, за зто и терпят его. Но ои особо ие переутомляется.

Фраит сидел, задумавшись, разговор постепеиио шел к коицу, не было смысла терять время.

– Слушай, – сказал я ему, – и ты тоже должеи мне помочь...

Лучше бы я ие говорил зто „и“. Ои окамеиел, иа губах застыла зиакомая презрительная улыбка.

– Так и зиал, – тихо сказал ои, – вы иикогда ничего ие делаете просто так...

Попытайся я теперь убедить его в своих бескорыстных иамерениях, ои только бы рассмеялся. И в его смехе явио бы присутствовали оттеики разочароваиия. Я должен

был спешить.

– Это очеиь важио, – сказал я.

– Для тебя, – рассердился ои, – ие для меия.

– И для тебя тоже, – сказал я, – для всех...

– Об зтом я уже слышал, – процедил ои, его улыбка спряталась в морщииах лица и потом исчезла совсем. – Навериое, общество вспомиишь. Я ие зиаю, что зто такое общество. Не видел его... Пускай оио и существует – мие наплевать на иего, потому что никто иикогда иичем мие ие помогал. Вот и все...

На секунду я закрыл глаза. Мие ие повезло. Я должеи признать свое поражеиие. Посмотрел ему в глаза.

– Мы ведь не враги, да? – спросил его.

– Но и ие друзья... Мы стоим по разиым стороиам барьера.

– С чего ты зто взял?

– Мы можем протяиуть друг другу руки, – продолжил он, будто ие расслышал мой вопрос, – ио все-таки барьер существуют. Между иами... Я зиаю, чего ты требуешь от меня. Чтобы я тебе кое-что сообщил... Но ты просчитался. Я не из таких.

Я должеи был рисковать. Выиул фотографию н показал ему:

– Когда-иибудь видел зтого человека?

Я заметил, как ои уставился иа сиимок.

– Запомии одио, – продолжил я твердым, иеуступчивым голосом, – если ты его зиаешь, то что бы ты мие ие сказал об зтом мужчиие – зто ие предательство. Потому что он мертв. Мертв, слышишь? Что бы ты мие ие сказал. Это не услуга. Вроде зтой: ты мие – я тебе... Нет иичего дороже жизии.

– Ладио, ие кричи, – пробормотал ои, оглядываясь вокруг. – Мие кажется, я его где-то видел.

– Ои из твоего окружеиия?

– Больше иичего ие могу сказать.

– А можешь узиать?

– Посмотрим, – ои встал.

– Когда позвоиишь мие? – я попытался смягчить голос. – Насчет квартнры и зтого...

– Не зиаю, – ои равнодушио пожал плечами.

– Давай я дам тебе мой телефои.

– Нет смысла, – махиул ои рукой. – Ты же зиаешь мой адрес.

Ои быстро ушел. Скорее побежал. Не попрощавшись.

4

В моем кабииете Кыиев проводил совещаиие. На диване между ребятами сидел полковинк Кириллов. „Что-то здесь происходит!“ – подумал я, стоя иерешительио иа пороге. Глаза их подериулись серо-белой дымкой. Оии смотрели иа меия, ио иичего ие видели. Им было жалко меия. Навериое, я слишком скверио выглядел. Оии дали бы все, только чтобы меня там ие было. Впервые меия произнла холодная и ясиая мысль, что я здесь лишиий, что больше я им ие иужеи, что мое присутствие только сковывает их, мешает им... В их виноватых взглядах я увидел, что им было стыдно молчать при мие, оии поиимали, что зто глупо и иесправедливо, ио им было иужио время, чтобы взять себя в руки и улыбиуться и, улыбиувшись, обмаиуть меия. Только я зиал, чего мне стоило стоять вот так, иавязывая свое присутствие, вместо того, чтобы захлопиуть дверь и уйтн.

– Садись, – вздохиул Кириллов и кивиул иа мой пнсьмеииый стол. – Мы как раз обсуждалн нитересиую идею.

Впервые мой письмеииый стол был иастолько прибраииым и пустым: иикаких документов, иикаких чашек нз-под кофе, иикаких пепельииц, только подставка для караидашей и телефои, а за иимн – пустой стул. И все это стояло передо миой, как давио заброшеииый дом. Впервые я видел так близко и так четко свое отсутствие. Как будто со вчерашнего дия меия не стало, н иикто ие спешил заиять мое место из-за суеверия или ложиой скромиости – чего скажут люди! Но завтра – послезавтра произойдет и зто, жнзнь требует своего...

Пока я шел отяжелевшими иогами к своему месту, за спиной кто-то вздохнул. Этот вздох остаиовил меия своей откровеииостью, как будто послышалось: „Бедняга!“ Я повериулся, мой взгляд иатолкиулся иа камеииые физиоиомии моих коллег. Я потупил взгляд, задумался – было глупо проявлять свою проницательиость детектива в зтот момеит, – и улыбиулся: „Давайте ознакомиться с вашей идеей!“ – потом зажмурив глаза, опустился иа стул. Я вслушивался в зхо своего голоса, радовался ему, усаживался поудобиее, полиостью предавался скрытому возбуждению: „Я опять здесь. На своем месте... Посмотрите – я тут...“

– И так, – иастаивал я. – Слушаю вас.

– Мы только что обсудили ее, – апатичио сказал Кыиев.

Ему хотелось поставнть меия перед свершившимся фактом: что прошло, то прошло, в другой раз ие опаздывай, дорогой... Я был готов поклясться, что обсуждаемое предложеиие было его. Пожав плечами, ои собирался добавить: „Зачем терять время?“ – ио тут вмешался Кириллов:

– Ннчего! Что иам мешает порассуждать еще иемиожко...

– Да, конечно, – промямлил Кынев, глубоко вздохнул н начал уверенно говорить. – В основу этой идеи заложено убеждение, что безрезультатность проводимого до сих пор розыска является следствием иашей замкиутости, недооценкн роли общественности. Мы не обращаемся за помощью, ие стимулируем активность нашей общественности... Нн кадровики, ни кассиры не в состоянии помочь нам, а только самые широкие слои населения.

Он говорил целеустремленно и без запинки, подобранными, хорошо заученными выражениями – как на экзамене. Было видно, что он уже несколько раз излагал свою идею: перед друзьямн, перед иачальииком, перед коллегами. Наверное он ее даже записал. Короче говоря, ои предлагал выставить портрет убитого на досках передовиков каждого строительного предприятия. „Это все!" – заключнл наконец он и улыбнулся. Он ожидал аплодисментов, а меня трясло внутри.

– На самом деле интересно, – процедил я. – А что нам делать со стройками, где нет такнх досок почета.

– Мы заставим их сделать, – поднял брови Кынев. – Не так уж трудно...

– И какое имя напишем под портретом? – я искоса посмотрел на него.

– Какое придет в голову...

Кынев оскалнл зубы, довольный, что наконец-то ему удалось уязвить меня, но он понял, что переборщил, и сиова приинял безобндную позу студеита перед экзаменационной комиссией.

– В том-то и цель, – воскликнул ои и посмотрел иа коллег, прося нх подтвердить то, что само собой разумеется. – Путем хорошо продумаиных „ошнбок" вызвать у людей реакцию. Те, кто его ие знал, скажут: „Что здесь делает этот? Он вобще не с нашего предприятия". И тогда иичего другого иам ие остается, как зачеркнуть эти предприятия в свонх спнсках, притом с полиой уверениостью, а не так... по догадкам...

Он сиова ие упустил случай, чтобы ужалить меня. Не знал бедияга, что меия уже столько жалили, что больше иекуда...

– Во-вторых, – продолжнл мой помощник, еле сдерживая торжествующее дрожаиие своего голоса, – реакцня рабочих, которые откуда-то зиают его: „Он же вообще не передовик!" Таким образом, в нашем списке точно иаметятся предпрнятня, иа которых по той илиииой причиие зиают этого человека. В-третьнх, а в сущости самое главное – реакцня рабочнх близко зиающнх его: „Еруида! – иаверное скажут оии. – Это же вообще не Иван Драганов (так мы напишем), а Драган Иванов". И таким образом мы установнм личность убитого, розыск наконец-то прнмет верное направление. И все...

Его притворно скромный тон прямо-таки выпрашивал овации. Я посмотрел на ребят. Потупив взгляды, они были готовы на все, чтобы как можно скорее завершить этот иадоевшнй им до смерти розыск. Кириллов уставился на меня выжидающе и напряженно.

– Ну, – я попытался вырвать коллег нз летаргии, – что вы скажете?

Кириллов слегка улыбнулся, он понял, что мой вопрос не совсем спортнвный: все-таки я был начальннком н должен был первым высказать свое мнение.

– Важно, что ты думаешь, – спровоцировал он меня.

– Версия коллеги весьма стройная, – начал я сквозь зубы. – Я бы сказал, образец логичности. Однако...

Лнца ребят вздрогиулн. Их взгляды проворно, как иглы швейных машин, проскакивали то ко мне, то к моему помощнику. Мне становилось интересно. Как раз это и было моей целью – разбудить нх.

– Однако? – нетерпеливо поторопил меня, улыбнувшись, Кынев.

Делово согнувшись над записной книжкой, он был готов записать любое мое возражение. „Говори, говори! – издевался надо миой его взгляд. – Ты говорн, я буду слушать и записывать, иичего не сделаешь, этого требует чииопочитанне, хотя всем ясно, что в настоящий момент тебе просто нечего сказать, и ты только придираешься."

– В твоей логнке, – сказал я, – отсутствует этика. С какой стати я повешу этот портрет на доске передовнков? Это не кажется вам иасмешкой? Кощунством... И кто нам даст право иа это?

– Да, – вскочил Кирнллов, – я сказал ему то же самое...

Я с удивлением посмотрел на него: „Раз сказали, – мне хотелось спросить полковника, – почему ие остаиовили его?"

– Я вас ие поиимаю, – глухо пробормотал мой помощиик. – О какой морали может идти речь, если мы расследуем самые неморальиые вещи в этом мире – убийства?

Я еле сдержнвался, чтобы не вспыхнуть.

– Если все еще у нас есть возможность проводить иормальную работу, товарищ Кынев, этнм мы обязаны морали. Нашей и морали тех, кто занималс этим делом до иас, – слова холодили мне язык. – В противном случае, никто бы нас не поддержнвал, если бы знал, что мы разыскиваем кого-то, чтобы наказать... чтобы причииить ему зло, причииить ему боль...

– Это правда, – кивнул мой помощннк. – Но мне кажется, товарнщ Петков, что мы вряд лн кому-нибудь навреднм подобнымн свонмн действнямн.

– Не секрет, – вздохнул я, – что доски передовнков не очень-то чтут. А вы можете себе представнть, какой авторнтет онн прнобретут, еслн мы повесим там зтот портрет.

Я заметил, что Кнрнллов наблюдает за мной с восхнщенным уднвленнем. „Ну, давай!" – поощрял меня его взгляд. „Вместо того, чтобы вести себя будто находишься на стадноне, – подумал я, – мог бы сам навестн порядок. И погоны у тебя по-больше, н власть".

– Я уже не знаю, что и думать, – Кынев с мученнческим видом провел ладонью по лнцу. – Я предлагаю вам крнстально ясный практнческнй ход, товарнщ Петков, а вы снова пускаетесь в бесплодные мудрствования... о моралн...

Я нахмурнлся и почувствовал горькнй прнвкус на губах. Не переборщил лн я с кофе утром? Днскуссня с монм помощнном затягнвалась в нудном и ненужном направленни. Мы могли так разговарнвать до утра, а толку-то ннкакого.

– Знаете что! – я взглянул на него. – Пока я отвечаю за зто дело, я н буду решать, что необходнмо предпринять. Все!

Кынев пожал плечами, согнулся. Ребять озадаченно посмотрелн на меня: впервые мне приходилось подчеркивать так грубо и недвусмыслеино свое более высокое положенне в нерархии. Их взгляды как будто еще крепче усадили меня на стуле. Я чувствовал себя уверенным и полным энергии.

– Кроме того, – добавнл я более спокойным голосом, – по последним данным вообще не следует разыскивать иашего человека на стройпредприятиях. У него свое предприятие. Так что продолжнм добывать сведення по крупинкам.

Ребята встали, им хотелось спросить что-то. К сожалеиию, у меня пока не было готовых ответов.

– Пока хватит, – отрубил я. – К вечеру, в шесть, обсудим новый план. Вы свободны!

Они поспешили уйти. Только Кынев чуть задержался у двери, обериулся, задумавшись, как будто собирался сказать мне что-то очень важное, потом махиул рукой и с треском закрыл за собой дверь.

– Молодец! – воскликнул Кириллов.

Я посмотрел на иего и увидел в его глазах все то же удивленное восхищение.

– Вам иравится, как подчинеиные хлопают дверью? – улыбнулся я.

– Нет, – сказал он. – Ты – молодец.

– И чем заслужнл?

– Впервые показал, что ты – начальннк на своем месте.

– А вы... Не моглн бы протнвопоставнть себя ему?

– Ну, как тебе сказать, – сжал он губы. – Еле удержался, хотя знал, что он не прав. Он как-то сразу задавнл меня свонм предложеннем, так горячо защнщал его...

– Я поннмаю вас, – кнвнул я.

– Что ты понимаешь! – вздрогнул он и уставнлся на меня.

Я ему помог выбраться нз трудного положення, н теперь он был благодарен мне. У меня не было ннкакого желання говорить ему зто. Но по правде меня удивнла его бесхарактерность в зтой снтуацнн. Я впервые вндел его такнм беспомощным.

– Ты ползешь как черепаха, – начал он миролюбнво, – а помощннк твой что-то очень спешит... Еслн бы завнсело от него, то он каждый час выдавал бы по одному преступннку... Он мог бы открыть н магазнн по продаже преступннков... Свежих и мороженых, богатый ассортимент, качество – гарантированное... Плати в кассу н все!

„Он ннкогда не был настолько словоохотливым н язвительным!" – подумал я.

– Он спешит не только в отношении преступннков, – посмотрел я на него многозиачительно.

– Само собой, – полковник быстро отвернулся...

Я потупил взгляд, вздохнул. Разговор был закончен. Я вспомнил о Петранке Маричковой. Она, наверное, все еще ждала, чтобы я ей позвонил... поговорить просто так... Мне давно не приходилось делать что-то просто так... А так хотелось...

5

Наступили дни, которые даже через годы я буду не в состоянии описать. Как будто против моей воли воспомииания беспорядочио и шумно всплывают из бездиы памяти – словно пузырьки из глубины омута, в котором утопает человек; как будто знергия и мысли мои стремятся лишь к одному – вырвать зти мучительные воспоминания из мозга, из сердца, чтобы не было больио им, чтобы не будили по иочам и не изматывали меня. Но стоило мне склониться иад листом бумаги, и ручка моя отказывалась писать: то чернила высыхали, то перо ее рвало бумагу.

Врач, которая в первые дни подавала иам надежду, впоследствни сторонилась нас. Я пытался остановнть ее в коридоре, оиа меня отстраняла – „Не сейчас! У меня дела" – и бежала прочь от меня. Может быть, оиа

ожидала, что я упрекну ее в чем-то, может быть, она чувствовала себя в какой-то мере виновной за поспешно и легко сказанные слова, которыми в начале она вселила в нас надежду. Но я, не зная почему, был преисполнен доверия к ней – как раз в результате ее обнадеживающих слов – почти каждый день настаивал на разговоре с ней. Состояние моего сына ухудшалось и мне хотелось спросить у врача, что будем делать.

Однажды вечером она была дежурной, и я опять преградил ей дорогу. Женщина остановилась и совсем неожиданно крикнула мне в лицо: „Чего вы от меня хотите? Я все сделала! Все... И отдельную палату предоставила..." Я смотрел на нее и не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Я уже знал что означает отдельная палата: изоляция безнадежно больных. В тот момент врач, возможно, ожидала, что я возражу ей, что вспыхну, обниму ее, все это, наверное, облегчило бы ей совесть, но я стоял, как вкопанный, посреди коридора и смотрел на нее. Она топнула ногой, плача – „Вот и все! Вот и все..." – и бросилась бежать.

Я побрел к палате сына. Он лежал совсем притихший, только глаза его лихорадочно блестели. Хоть бы не услышал крики врача – подумал я и попробовал улыбнуться – „Как себя чувствуешь, сыночек?" – хотя я отлично знал, как он себя чувствует. Самая сильная боль, самое сильное страдание – это смотреть в глаза своего обреченного ребенка и пытаться устоять против его взгляда, все еще жаждующего жизни... Нет более ядовитых слов, чем слова, которыми ты, обещая ему будущее, вселяешь в него надежду. Эти слова набухают в горле, разрывая его, и кровь свободно течет в тебе. Нет более жестоких слов, чем слова, с которыми ты пытаешься утешить мать ребенка. Эти слова приходилось произносить по нескольку раз в день. Вся моя душа таяла внутри как комок снега. И именно тогда, когда я ощущал себя совсем убитым, необъяснимо как и в который раз во мне оживала надежда: „Хоть бы свершилось чудо... сейчас... здесь.... в тот же час". Может быть, только моя способность наблюдать за собой со стороны, как за незнакомым, чужим человеком, помогала мне устоять и спасала меня.

И в тот летний вечер, когда я стоял перед койкой сына, я также пытался посмотреть на себя со стороны, однако, после инцидента с врачом во мне, видимо, сломалась чудодейственная система зеркал. „Дальше некуда..." – повторял я себе.

– Ты поможешь мне? – неожиданно спросил сын.

– Да, – не поверил своим ушам в первый момент я. – В чем?

– Выйти во двор хочу, – ответил он. – В садик...

– Ну, конечно! – засуетился я.

Помог ему сесть, надел шлепанцы, причесал его и неустанно приговаривал: „Разумеется... Ведь я тебе предлагал... Во дворе, на свежем воздухе ты почувствуешь себя лучше. Аппетит появится..." И отчаянно молился про себя „Да свершится чудо в этот раз... Наконец-то... Пусть!"

Когда мы стали спускаться по лестнице и я видел, как сын мучительно передвигает свои опухшие ноги, как его личико заостряется от злости, от старания преодолеть боль и немощь, в меня все увереннее западала странная, необъяснимая вера в то, что вот сейчас, через шаг-другой произойдет чудо. В моем уме вертелись сотни случаев, подобных нашему: как только страдания достигают своего предела, как только отчаяние затмевает разум, совершается чудо.

Цветы во дворе наполняли тяжелым ароматом теплый и плотный, как застоявшаяся лужа, воздух. От тополей веяло прохладой, пропитанной горьким и липким запахом смолы. За оградой прохожие смеялись, смеялись счастливо, свободно и легко... Больные уже были в своих палатах, ужинали – было слышно усердное и аккуратное постукивание приборами. Только я и мой сын сидели в безлюдном садике и глубоко вдыхали теплый воздух, будто тянули горячий чай из блюдца. Он наблюдал удивленно мир вокруг себя, может быть, не ожидая, что застанет его таким пестрым и веселым, а я продолжал говорить – долго, обстоятельно, растерянно и каждым словом, каждым его звуком внушал только одно: „Крепись, сын... Крепись... Еще немного!" Он слушал меня без интереса, улыбался вяло и с подчеркнутым снисхождением к моей энергии и упрямству.

Возбужденный свежим воздухом или ароматом цветов, сын неожиданно скорчился на скамейке и его вырвало – мучительно, долгими спазмами, от которых лицо его покрылось капельками пота. Лишь желудочный сок – ядовито-зеленого цвета. Уже третий день, как ничего не брал в рот. У сына закружилась голова. Он вытянулся во весь рост на скамейке. Мне почудилось, что сейчас ему не хватило бы всей земли, чтобы вытянуться, глаза его подкатились и, теряя сознание, он шепнул:

– Отнеси меня... наверх...

Он стремился к белому аду больницы, как к спасительному оазису. Только ему он доверял. До каких пор? – спрашивал я себя. Был легким, как перышко, мне казалось, что несу на руках только его пижаму. Спазмы

сдавливали мое горло, пока я бежал вверх по лестнице. Зачем я бежал? Куда я спешил, на что я надеялся? И с каждым шагом все более оглушительно отдавалось во мне: „Нет, не будет чуда... Нет, нет больше надежды... Ничего нет!“.

Утром дежурный врач, накричавшая вчера на меня, вызвала в свой кабинет. Она молчаливо подала мне папку сына.

– Что это означает? – спросил я.

– Переводим вас в Пироговку*, – ответила она, пристально рассматривая маникюр, и добавила: – Необходимо вашего сына подключить к искусственной почке. Рискованно оставлять его здесь.

Будто молотом ударили меня по голове. Комната закружилась перед глазами. Я знал, что представляет собой искусственная почка – ворота в преисподнюю. Мне уже рассказывали, не скупясь на мучительные подробности. „Сделайте все, – говорили, – чтоб только дело не дошло до этого“. А вот теперь – дошло...

Я переодел сына, взял на руки и пошел. Шел, но куда и сколько времени, – не помню. Мне хотелось так шагать до самого конца света, и чтобы там нас поглотила бездна. Никто нас не провожал, никто не желал успеха, никто не обнадеживал. У входа стояла давно забытая там машина скорой помощи. „Вам в Пироговку?“ – спросил я. „В Пироговку...“ – кивнул водитель и приоткрыл дверцы.

В дежурном кабинете нас ожидали. Там врачи заставляли меня вертеть носилки сына во все направления, чтобы осмотреть его более обстоятельно. Давили на живот, на отеки, цокали многозначительно, кивали головой, а глаза становились все более пустыми, все более холодными и безразличными. Батя притащился откуда-то. Врачи подняли гловы, посмотрели на него и снова наклонились к сыну. Интуитивно ощутив всю бессмысленность этой процедуры, вопреки тайным взглядам, недомолвкам и глубоким вздохам, Иво начал корчиться у меня в руках и заплакал.

– Скажи им, чтоб оставили меня в покое! – взмолился он. – Скажи им, чтоб оставили в покое...

И тогда произошло что-то неожиданное. Батя разбушевался – „Разве можно такое – оставить тебя в покое!“ – растолкал он своих коллег, схватил моего сына, обнял его, как ягненка, открыл дверь ногой и понес его вверх по лестнице.

А во мне словно лопнула долго натягиваемая струна – „Кон-е-ец!“, всхлипнула болезненно и поранила меня изнутри. Она еще трепетала во мне, когда я бегом

Пироговка – Институт скорой помощи им. Пирогова

пересекал садик Пироговки и ворвался в телефонную будку. Чуть трубку не оторвал. Набрал номер полковника Кириллова и, когда услышал его спокойный голос – „Да... Слушаю“, – крикнул неистово:

– Это я... Петков... Слышишь меня? Конец! Конец! На этот раз – точно...

– Ты... Чего? – засмеялся он. – Разве сцапал...

– Меня сцапали! – бросил я в трубку.

– Ну, и! – воскликнул он с упреком и, наверное, хотел меня отругать, но вдруг отказался: – А может быть, ты немного выпивши? Кто тебя сцапал?

– Судьба, – вздохнул я. – Подло меня подстерегла, черт возьми, и прямо за шею...

– Чего ты мелешь? – насторожился полковник.

– То, – сказал. – Конец парню... Все кончено! Доселе...

– Где ты находишься сейчас? – крикнул он.

В считанные минуты приехали на машине и забрали меня. Отвезли домой. Нас встретила жена – ослабевшая, ни жива, ни мертва. Стали расспрашивать меня о том, о сем, я отвечал машинально, как во сне. Коллеги старались вселить в меня смелость, сговаривались – то сделают, другое сделают. Ободренная их словами, жена поехала в больницу. Оттуда позвонила мне по телефону. „Звони врачам, – настаивала она. – Если нужно – шефу Пироговки... Проси их, чтоб не подключали Ивайло к искусственной почке... Это страшно... Слышишь, это страшно... Еще есть шанс!“

Обещал ей, что обзвоню весь мир. Я знал, что уже нет никакого шанса. Выпил ракин. От алкоголя я пришел в себя, вырвался из оцепенения. Увидел, насколько пуст мой дом без мальчишки, хотя был полон гостей. Я понял, что меня ожидает. На милость всевышнего не надеялся.

Коллеги гостили допоздна. Незадолго до их отъезда, около полуночи, телефон опять зазвонил. В трубке раздался плач жены:

– Умирает... Умирает... Умирает...

Стены квартиры как будто рухнули, потолок полетел ввысь, мигом я увидел мерцающие звезды, пол подло выскользнул из-под ног и я повис в воздухе – одинокий, полудремавший, неподвижный... Инстинктивно, отчаянно сжимая трубку, еле держась на ногах, я ничего не слушал, кроме полного слез вопля жены:

– У меня на глазах... Представляешь ты себе... У меня на глазах...

Ее плач тонким сверлом сверлил мое сердце.

– Еле отвлекла внимание Иво, – всхлипнула она.

– Кого? – губы мои деревянно стукнули.

– Иво... Твоего сына! – крикнула она. – Но думаю, он

все понял...

– Что понял? – шепнул я, чтобы не крикнуть. Все еще не верил своим ушам.

– Что девчонка помирает, – захлебнулась моя жена.

– Девчонка... – успел только сказать я и медленно сполз по стене.

Телефон свалился на меня, сквозь канонадный треск в трубке я различил голос жены:

– Да, девчонка... С соседней койки. Привезли ее с этой проклятой искусственной почкой и она начала корчиться...

– Откуда звонишь? – спросил я.

– Из больничного садика.

– Немедленно возвращайся в палату – сказал. – Подумала ты, что сейчас творится с Иво. Он наверху один.

– Не могу войти к нему, – голос ее утонул в бесконечной конвульсии. – Не могу... Не могу...

Я долго говорил ей о том, что нам предстоит, убеждал ее в необходимости сохранять самообладание, напоминал ей о нашем сыне.

– Иду, – сказала она. – Иду, хотя не знаю, как перешагну через порог...

И повесила трубку. Я поднял глаза... и увидел моих коллег. Они не шевелясь сидели на диване, глядя на меня широко открытыми глазами. Сейчас пройди весь мир перед их глазами, они не заметили бы его. Они размышляли. Я увидел себя в их опустошенных лицах, как в зеркале. Пожал плечами: „Вот..." Они ожили. Резкая, напористая уверенность исчезла из их жестов. Они уговорили меня принять две таблетки снотворного и заботливо уложили на диван.

Не помню, кто погасил свет, не помню, когда вышли все... Провалился в сон так, будто потерял сознание. Мрак теплым, нежным покрывалом прикасался к моему изнуренному телу. Я его притягивал ближе к себе, боясь мысли, что кто-то разорвет это ласковое покрывало, лишит меня его... оставит меня беззащитным под лучами невыносимого света.

Телефонный звонок завизжал как оборвавшаяся лента пилы. Мое сердце остановилось, я прислушался – не присинился ли? Повторный звонок поднял меня на ноги. Моя жена припадочно задыхалась в трубке:

– Приезжай скорей... Слышишь – скорей! Ивайло...

– Что Ивайло? – я нахмурился, чтобы как-то стряхнуть непосильную маску сна, сковавшую мое лицо.

– То же самое... – плакала она. – Как у той девчонки несколько часов раньше... Приезжай.

До сих пор для меня остается загадкой, как за считанные минуты я смог добраться до Пироговки. Когда влетел во двор, увидел, что вывозят моего сына. Он лежал на носилках, сопровождавшая его сестра семенила возле него, поднимая высоко банку с глюкозой, и повторяла: „Не спешите... Осторожно, пожалуйста..." Голос ее прозяб от ночной прохлады. Сын был в обмороке. Его огромная от отеков голова свисала и при каждом встряхивании носилок его лицо зябко вздрагивало. В спешке забыли положить подушку, – подумал я и подложил руку под его голову. Он простонал, попробовал сказать что-то – ничего не вышло, как будто глина заполняла его рот. Жена, скорее, держалась за носилки, чтобы самой не упасть, чем поддерживала их. Ее хриплый плач обвивался душащей шалью вокруг шеи...

Врачи в диализном зале встретили нас, суетясь и нервничая. Казалось, они недовольны, что их разбудили. С развевающимися полами халата прибежал Батя. „Спокойно, говорю вам, – повторял он. – Выходите все вон. Оставьте нас работать".

Жена опустилась на скамейку в садике и погрузилась в нескончаемую конвульсию плача. „Что будем делать?... Что теперь будем делать?" Я стоял рядом и курил, взгляд мой был обращен на диализный зал. Прислушивался к шуму оттуда. Внутри прозвучал прерывистый писк, как будто пташка, пробуженная среди ночи в гнезде, отзывалась. Время от времени звучали приглушенные голоса, над ними поднимался чистый тенор Бати. „Тронется... Тронется... Вот-уже тронулось..." И опять неуверенный писк. „Опять не повезло, – кусал губы я. – Аппарат не работает...". Время от времени дверь приоткрывала маленькая санитарка и покачивала задумчиво головой – „Плохо! Очень плохо..." – Но как только кто-то из нас подходил к ней, она поспешно поворачивалась спиной и живо, как ласка, шмыгала в зал.

Передо мной остановился человек с мрачным, помятым лицом, державший в руке большой разводной ключ. Наверное, работал водопроводчиком в больнице. „Как ребенок?" – спросил он. – Я пожал плечами. „Не бойся! – сказал он. – Сколько кукушка ему накуковала, столько и будет жить! Найдется лекарство от болезни!" – „А если его нет?" – хотелось спросить у него.

Только к обеду Батя вышел, потер вспотевший лоб рукавом и сказал: „Иди, посмотри на него..." Я по выражению лица попробовал угадать, что случилось. Но лицо было непроницаемым и холодным, как мрамор. Пошел, спотыкаясь, все мое существо простонало – „Что еще предстоит мне увидеть, господи!" – и увидел сына на

одной нз коек. Жив! Ои лежал без сил, белый, как простыня, невероятно похудевший, иа скулах кожа даже свнсала. Глаза его бегалн по прнборам... Перевязаииая правая рука мяла одеяло...

– Как себя чувствуешь, сыиочек? – горло пересохло от волнення.

– Отлично! – последовал зиакомый ответ. – Мие легче. Я дышу...

Я осторожио приподиял его, положил на коляску и медленно покатил ее в корндор. Я делал это с опущеииой головой, прнстально наблюдая движеиие одиого колеса – оно выскальзывало, произительно пищало, а я смотрел на него, всецело поглощенный его своевольиой игрой, чтобы только не смотреть на сыиа, иа жеиу, ие слушать ее приглушеный плач, слова Батн – „Вытянули из иего шесть литров жидкости!“ – сочувствующие вздохн проходящих мимо людей...

С того часа, с того дня иас завертела головокружительная карусель – мы не могли ии выскочнть нз иее, ни остановнть ее. Я только ознрался по стороиам, глаза мои выхватывалн нз окружающего мира только то, что успевали украсть прн этой сумасшедшей скорости, ннчего не понимал, ннчего не соображал. Друзья, родные, коллегн поднялись на ноги, каждый предлагал свою помощь. Около сына собралось множество врачей, зиатоков лекарственных трав, знахарей. Онн однн за другнм рекомендовали свон лекарства, покачнвалн головой, вздыхали: „Как случилось, что упустилн мальчика?“ Привелн ко мне задумчнвого, худощавого врача – „Петков, познакомься с нашнм талантлнвым урологом“. Я подал руку специалнсту, который поспешно отпустнл ее, переступая с ноги на ногу, словно школьннк, н невнятно бормоча что-то. „Он отвезет биологнческне аналнзы твоего сына в Париж, – опять взялн слово мон друзья, – подождет результаты н вернется с днагнозом. Накоиец-то будет установлена нстнна н прнменено правильное лечение“.

„В этом мнре все возможно, – сказал я друзьям. – Однако, нельзя допускать, чтобы детн умирали, чтобы умирало будущее... Онн единственный росток, который нам может помочь пустить кории, остаться во времени...“

Однажды мне сообщилн, что ожндают визнта какого-то нностранного светила. „Приезжает специальио для вашего сына, – шепнула мие на ухо медсестра. – Как вам удалось пригласить его?“ Я пожал плечами, убеждеиный, что внзнт „обеспечили“ друзья.

Все утро мылн клиннку, вылнзывали ее, меияли белье в отделениях, выстраивали детей в лииейку. Врачи были взволиоваииыми, медсестры – иервными, красными от возбуждеиня и злости. К обеду светило иакоиец-то вышло из чериой волги у входа клииики. Весь персонал встречал его. Профессор был статиым, раио полысевшим мужчииой, вел себя самоувереиио. Расцеловал медсестру, приподнесшую ему цветы, махиул остальиым рукой и отправился к лифту. Виимательио прислушивался к объясиеииям главврача, покачивал массивиой головой.

Когда подошел к кроватн сыиа, взгляд его померк, словно сразу все поиял, его лнцо выражало досаду.

– Как себя чувствуешь, мой дорогой? – наклоиился ои любезио.

– Отличио, – последовал зиакомый ответ моего сыиа. Ои попробовал улыбиуться, одиако улыбка ие получилась.

– О! – воскликиуло светило. – Ты чувствуешь себя отличио!

И прииялся осматривать его. Осмотр длился ие более пятн минут. Иностраиец попросил подать папку сыиа, бегло просмотрел результаты исследоваиий, громко захлопнул ее, и указал иа свои руки. Церемоиия была окоичеиа, нужно было помыться.

Я провел его к крану. Профессор мылся долго, шумио и как-то показио. – „Вот это – гигиеиа, коллегн, запомнnте!“ Потом снова подошел к сыиу и тяжело вздохиул. Закачался на пятках, как будто вздох вывел его из равиовесня. „Хорошо, – сказал. – С тобой еще увиднмся“ – н пошел к двери.

Онн заперлнсь в кабннете врача. Ннкому не прншло в голову пригласнть меня. Напрасно я поджндал в корндоре и напрягал слух, в кабинете было так тихо, что я подумал: а может быть все онн вышлн из другой дверн. Через час мимо меия прошли секретарши, подали кофе и кока-колу. „Все равио, кто-то должен выпнть это!“ – подумал я и присел на табурет в углу. Векн былн краснымн от недосыпаиия, слипались, голова опустилась, и я задремал.

Накоиец-то врачи вышли, окруживши иностраица, смеялнсь, шутнли. Прошлн мимо меня, словно я памятник. Никто ие остаиовился: „А ты кого ждешь здесь?“ – иикто не удостоил меия даже взглядом. Словио так полагалось: сидеть мне в углу, а остальиым – проходнть мимо меня.

Поднялись иа верхний этаж, в зал. Я услышал распоряжения главврача своей секретарше: „Никого ие пускать!“ Я прилип к стеие, решившись куковать здесь, если придется, до следующего утра. Мимо прошла старшая

сестра с огромным букетом цветов в руках. „Будем слушать лекцию! – осведомила она меня. – А после лекции небольшое угощение... И мы люди..."

Я понял, что дальше здесь ждать бессмысленно и пошел в отделение к сыну. У него тем временем температура повысилась. Он весь горел. Было некого позвать: медперсонал слушал лекцию, дежурный врач занимался неотложной помощью. Мы раздели ребенка, обернули его мокрыми простынями. Глухо и страшно постукивали его зубы, висли руки безжизненно. „Будет ли всему этому конец?..." Каждые пятнадцать минут мы измеряли температуру. С последнего этажа доносился шум музыки и дружный топот. Лекция кончилась, наверное, уже танцевали, неудержимо, усердно. Прямо над нашими головами. Перед гостем демонстрировалось славное болгарское гостеприимство. Я думал, глядя на термометр. „С тех пор, как было сотворено множество памятников, торжеств и веселий, – действительного уважения и заботы о человеке стало гораздо меньше. И в основе всего этого – боязнь смерти. Мы должны при каждом удобном случае убеждать себя, что она (хотя н временно) касается других, но не нас. Как раз для того и нужны нам веселья, чтобы забывать о смерти, или хотя бы затуманить беглые, неясные мысли о ней, а парадами мы можем доказать себе (в который раз!), что мы сильны и здоровы. При подобном состоянии дел забота о человеке звучит как фанфарный отклик, является парадной гримасой... Человек только в своих пиковых, экстремальных ситуациях ощущает эту, якобы невинную, замену и чувствует себя совсем одиноким на планете. Это чувство безысходного одиночества распространяется н на его близких. И тогда уже ничто не поможет им: любое проявление отзывчивости только усиливает ощущение пустоты и неприкаянности.

Человек остается один, незащищенный и брошенный, но не плачет. У него все еще есть какие-то силы сопротивления, а слез нет: они перегорели в нем раньше, чем появиться на глазах".

Так я думал тогда, и никто не имел права укорять меня за эти мысли.

Наконец-то удалось сбить температуру у сына и принялись одевать его. Именно в этот момент старшая сестра заглянула в палату. „Профессор хочет увидеться с вами! – сказала она. – Он ждет вас внизу".

Светило медицины на самом деле ожидало меня в черной волге у входа. Профессор растянулся на сиденье, лицо его горело, довольное и сытое. Болгарское гостеприимство очевидно понравилось ему. Шофер часто поглядывал на часы. Спешили на аэродром. „Ну, пожалуйста, присаживайтесь!" – улыбнулись они мне, а я смотрел на них безразлично, хотелось плюнуть по черной лакированной жести, хотелось, чтобы меня не было здесь, чтобы не смотреть на них. Не помню, как сел на переднее сиденье. Откуда-то очень издалека долетал приглушенный голос светила: „Чрезвычайно тяжелое положение... Интенсивное лечение... ударные дозы..."

– И это все? – спросил я, когда он кончил.

Иностранец кивнул.

– Профессор, – проплакал мой голос, – поправится ли мой мальчик?

– Ну-у! – пожал плечами он, быстро взглянул на меня и добавил: – Знаете, что говорят в моей стране при подобных случаях?

– Что? – с надеждой посмотрел я на него.

– Постучим по дереву, – н он энергично оглянулся, однако где в этой комфортабельной машине дерево.

Услужливо я протянул ему спичечный коробок.

6

Франт нашел меня в садике „Пироговки". Зажмурив глаза от жестокого полуденного солнца, я ждал, пока диализ сына кончится, а он как вкопанный стоял в двух шагах от меня и свысока смотрел на меня.

– Ты... – голос его задрожал. – Зачем ты... здесь?

– Ведь ты все знаешь, – пробормотал я. Я был убежден, что мои коллеги рассказали ему обо всем, и так как я чувствовал себя бесконечно усталым, мне было не до разговоров.

Франт присел на скамейку, небрежно положил ногу на ногу н закурил. „Если он пришел, чтобы продемонстрировать мне свое безразличие, то момент не удачный, – подумал я. – Ну, а если сейчас полезет со словами сочувствия, тем хуже для него".

– Я пришел, чтобы отомстить, – неожиданно оскалил зубы Франт, чем окончательно разбудил меня.

– За что? – жестом я пригласил его подсесть ближе.

– Надеюсь, ты помнишь моего коллегу... того, чью вину я принял на себя?

– Смутно, – ответил я, – но все-таки помню.

– Тебе известно, сколько времени я ждал, чтобы он раскаялся, чтоб совесть его заговорила... Он знал, каково в тюрьме, знал, как я мучаюсь без вины, а молчал. Не предполагал я, что он окажется таким подлецом.

– В жизни и такое случается! – вздохнул я. – Не все благородные...

– Не знаю, – поспешно перебил меня Франт. – У меня весов нет для таких дел. Но я был убежден, что рано или

поздно он сознается. Иногда я так смотрел на него, что он краснел, терялся и словно обещал: „Вот сейчас пойду и скажу правду“. И не шел... А мог бы, это ничего не стоило бы ему... Особенно потом, когда нас уже выпустили из тюрьмы. А сейчас, через столько лет... Дабы люди не смотрели на меня искоса... Знаешь, что он мне сказал недавно? „Не за что тебе на меня сердиться! Что прошло, то прошло“.

– Страшно, – согласился я и подумал о себе: „Сколько лет я отдал моей проклятой службе. Ни спал, ни ел по-человечески, обреченный лишь на кофе, сигареты и сильный охотничий инстинкт, – по следу, только по следу! – не успевал даже для ребенка выкроить время, ни для чего другого, брился по утрам и не видел себя в зеркале. А сейчас, когда на меня обрушилось несчастье, все только пожимают плечами и вздыхают: „Что прошло, то прошло!“. Да, сам виноват во всем...

– Правда, страшновато, – признался Франт, – меня даже знобит. Поэтому и пришел к тебе. Отомстить.

– А я какое имею к нему отношение? – посмотрел я прямо ему в глаза.

– Ты – никакого, однако человек, которого ты ищешь...

– Этот? – я быстро достал фотографию.

– Да, этот...

– Правда? – подскочил я на скамейке.

– Они, как две капли воды, похожи друг на друга по своей мерзости и подлости.

– Ну, хорошо! – вздохнул я и приготовился слушать.

Я был уверен, что Франт пришел исповедаться, вылить горечь из своей души. „Мне-то что до ваших исповедей?“ – подумал я и безнадежность еще сильнее придавила меня.

– Его за деньги убили, да? – спросил Франт.

– Нет, не думаю, – пробормотал я. – Скорее всего какая-то любовная история...

– За деньги, – покачал головой Франт. – Запомни это.

– Уж больно ты уверен в этом, – сказал я.

– Уверен, – заупрямился он. – Послушай меня, пожалуйста...

И он стал рассказывать. Молодой мужчина, личность которого мы так долго устанавливали, формально относился к ханыгам. Никто не знал, откуда он появился, был молчаливым, замкнутым, недружелюбным. Не садился за стол с компанией, ни о чем никого не просил. Другой на его месте не задержался бы, но этот... Зимой и летом в одной и той же джинсовой одеженке, всегда настороженный, будто знобило, всегда со впалым от голода животом он стоял на краю стоянки, на самом краешке, словно говорил ханыгам: „С вами я и не с вами!“ – и ждал. Очень редко ему удавалось найти работу. Ханыги жалели его.

– Он кровельщиком был, правда? – спросил я.

– Да, – Франт удивленно посмотрел на меня, – этим ребятам в нашей среде совсем не везет. Обычно люди нанимаются на работу на стройке от фундамента до крыши.

– Как его звали?

– Жоро, – мой собеседник странно ухмыльнулся. – Жоронька... Попался бы сейчас моим ребятам на глаза, они бы ему мозги-то выпустили.

– Правда? – наклонился я к Франту. Уснувший под липкими слоями усталости, мой инстинкт пробуждался, подсказывал, что из этой истории что-нибудь вылезет. – За что его так сильно ненавидели?

– Все мы жалели его. Он будто бы вел себя корректно: никогда не вмешивался в наши дела, не сбивал цену. Выходит, что вся эта корректность – только часть его подлой затеи.

Франт опять закурил. Слова его звучали приглушенно, самые обыденные слова, но из них выплывало лицо Жоро, молодого мужчины с неустановленной личностью. Он выпрямился, пошел, слова, как придорожные фонари, освещали его с самых неожиданных сторон.

Когда нашего Жоро нанимал на работу какой-нибудь богатый хозяин, они договаривались, что он за полцены крышу сделает. И Жоро работал на совесть, не отвлекался от дела, а когда начинал подходить к верхней части, неожиданно летел вниз по самому крутому скату – будто подскользнулся! – кувыркался, царапался отчаянно, как кошка, кричал: „Ой, мамочка-а-а-а! Убиваюсь!“ Хозяин закрывал глаза от ужаса. Вдруг наш знакомый вис на самом краю, казалось, только пальцем зацепился, женщины визжали истерически о помощи и закрывали глаза, чтобы не смотреть на его ужасный конец. А Жоро, будто с трудом, еле-еле подымался на руках, выползал на скат и медленно спускался на землю живой и невредимый. Все смотрели на него, не верили своим глазам, тряслись – господи, что могло случиться! – а Жоро только вздыхал, курил и молчал. „Ни за что я больше не поднимусь! Из-за твоих прогнивших бревен (или из-за твоего пологого ската), – причину он какую-нибудь придумывал, – я в отбивную чуть не превратился“. Хозяин плевался, приходя медленно в себя, окидывал взором незавершенную крышу и вздыхал: „А если дождь пойдет!“ – ведь богатые и боятся больше всех и начинал к нему подлизываться, совал деньги по карманам, просил, чтоб доделал крышу, а он – нет, собирает монатки, будто уходит совсем. И в этот момент говорит: „Ладно, бедный человек, горемыка, сжалюсь над тобой, однако заплатишь мне...“ – и в

трн-четыре раза поднимал цену. Зажиточный хозяин кусал пальцы, голова у него шла кругом: надеялся, что обойдется ему крыша дешево, а вот теперь... А что ему делать, не нанимать же другого мастера, в конце концов соглашался и платил нужную сумму. Вот так, – заключил Франт, – Жоро также бабки загребал и прятал, какие нам и не снились, а мы жалели его. Представляешь? Иногда даже хотелось хоть „пятерку" ему дать, чтобы не голодал.

– Не понимаю, – сказал я. – Ты говоришь, что он не вмешивался в ваши дела, не сбивал цену, каким образом тогда ему удавалось договариваться работать за грош?

– Выходит, не замечали ничего. Я же говорю, что сначала мы на него вообще внимания не обращали. Но для бедных людей он всегда работал за полцены. „Не возьму больше, – говорил он им, – но грех вам, если не похвалите меня..." И они хвалили его налево и направо. Это было их плата, а его имя приобретало популярность.

– И вы опять ничего не замечали?

– Нет, уже замечали. Нам все туже приходилось: не хотели нанимать нас уже от начала до конца стройки. Говорили: „Крышу мы сами сделаем!" А потом те же самые опять приходили на стоянку. Торговались, а уходя – будто завтра нашли бы подешевле, – проходили мимо Жоро. А он едва губами шевельнул, одно-единственное слово сказал, и они как пчелы на мед. Уходили вместе, но минут через десять Жоро возвращался и занимал свое место на краю стоянки. „Что, не сторговались? – спрашивали мы его, а он пожимал плечами: „Пошли воду решетом черпать". Мы тогда жалели его: опять не повезло! А вот в чем дело было: оставлял он своего клиента ждать где-то, например, в кондитерской, возвращался к нам, пускал пыль в глаза и потом принимался за дело. У него была большая клиентура, даже график составил. Бедные делали ему рекламу, с богатых драл три шкуры своей авантюрой на крыше. На поверку вышло: нам цену сбивал, а свои карманы набивал. А мы жалели его...

– А вы узнали то слово, с которым он привлекал клиентов?

– Имя его „Я – Жоро!" – и все... Имя его служило паролем...

– А эти истории... по крышам... о них тоже не знали?

– Кто похвастается, что его обманули так? Пусть и другие обманутся.

– Откуда все это стало известно?

– От Стажеришки. Ты знаешь его, тот парень с наглой физиономией. Хитрый, как лиса, суется всюду. В последнее время Жоро вертелся около него. Искал его, поджидал...

– Зачем?

– Наверное, Стажеришка устроил его где-то подработать, но подозреваю, что сам деньги прибрал. Все с деньгами связано, так и знай...

– Они... – я призадумался, – раньше сообща работали?

– Нет, – отрезал Франт, – никогда...

– По какому поводу все это рассказал тебе Стажеришка?

– Недавно встретил одну из жертв Жоро. Одну из тех, кому голову морочил своими затеями. Так он рассказал ему. Как решился на это, не знаю.

– И сейчас ты пришел... – я колебался. – Ты пришел отомстить.

– Да, – Франт посмотрел на меня искоса.

– Как ты это хочешь сделать? – я улыбнулся. – Жоро уже мертв.

– Тебе правду надо знать! – всхлипнул Франт. – Правду об этой гадине, которая всю стоянку вокруг пальца обвела. А то смотри, не делай из него невинную жертву. Как и мы, не ведая ничего о нем, жалели.

– Тебе известно имя Стажеришки... его адрес?

– Георги Миронов Василев, – пропел Франт, будто давно ждал этого вопроса. – Красио село, дом 824... Они – два сапога пара. Я ради этого пришел...

Я достал блокнот и записал. „Человек – странное существо, – думал я, – никогда не знаешь, куда повернет и куда пойдет?"

Навстречу мне шла санитарка и махала рукой... Я оглянулся: „Вы ко мне?" Она пожала плечами: „А что ты удивляешься!"

– Вы отец мальчика, что на диализе? – спросила она.

– Да, – подпрыгнул я, предчувствие плохого обожгло меня, однако я успокоился немного: „Что только мой мальчик лежит на диализе" – О каком мальчике идет речь?

– Ну, о мальчике, который в клинической был.

– В чем был? – горло у меня пересохло. – Мой сын...

– Вы – отец Ивайло, да? – удивилась она.

– Да...

– Ну... – она пожала плечами.

– Выходит... – замкнулся я.

– Вам ничего не говорили? – прикусила она губу, наконец поняв, что сказала то, о чем не должна была говорить.

„Вот что было! – поник я головой. – Я думал, аппарат..., а то Батя оживлял сердце Ивайло."

– Идемте, – взяла меня за руку санитарка. – Диализ кончился. Надо ему помочь.

Я шел как во сне. Франт дергал меня за рубашку: „Что случилось с твоим сыном? Скажи... Сейчас сбегаю к

заместителю председателя академии. Я ему баню облицовывал бесплатио, мие ои ие может отказать..." – и иаступал меия иа пятки. На ходу я рассказал ему сквозь зубы о болезни сына.

– Нет иикакого смысла тебе бегать, – сказал я иаконец. – Ему никто ие может помочь. Лучше выясии, когда Жоро нскал Стажеришку...

– Ты с ума сошел! – крикнул мие в лицо Фраит. – Жоро мертв, а твой сыи...

И бросился бежать. Остаиовился иа аллее, крикиул через плечо: „Я ему баню, бесплатио... ои ие может отказать!" – н опять побежал...

7

В прозрачных трубках текла кровь. Кровь моего сына... Моя кровь... Насосы аппарата глоталн ее леннво, направлялн в фильтр, высасывалн его тело, его мозг, его душу...

А я стоял н смотрел. Смотрел на эту фантастическую картнну будущего: человек н его прндаток – машниа, – смотрел оцепеневшнй, неподвнжиый. Мие казалось, если я мигну, то весь этот мнр, звенящнй от стерильности, прозрачный до болн, обрушнтся у моих ног, зальет меия кровью по колеио... Вдруг трубкн выскочили нз наконечннков аппарата – навериое насосы подалн более высокое давлеиие – н кровь брызнула в потолок. Сестра нспугалась и бросилась искать техинка, а я просто взял шланги и зажал нх: ощутил в своих ладонях, как бьется н в своем бессилии негодует кровь... Моя кровь... Я боялся посмотреть иа сына, боялся подумать, что наделал, как-то нитуитивно сжнмал кровь н ждал... Техннк меня успокоил: „Именно так н надо!"

Я сидел у ног сыиа и твердо знал: все может быть в порядке, весь персоиал может иаблюдать за сыном, но я должен сидеть здесь, смотреть на него. „Молюсь только, чтобы глаза мои н сердце перенеслн все это". В коице сеанса я выходнл на двор выкурнть сигарету, пока сестры перевязывалн мальчика, и опять возвращался. Я осторожно поднимал его. „Легче! Легче!" – стонал ои, погружаясь в бессознаиие и обмякал в моих руках. Я клал его на коляску н медленно толкал ее в корндор. Там, особеино в первые дни, поджидала меня толпа родственнков, друзей и коллег. Все сопровождали меня, говорнлн что-то, расспрашивали... Я шагал, вжав голову в плечи, шагал, пристальио смотрел иа ноги, н в тот момент это было важнее всего для меия: чтобы каждый шаг был уверенным, иадежным, чтобы коляска шла равномерно, спокойно по асфальту и не растравляла боль сыиа... „Только это, – повторял я про себя. – Больше ннчего нет... Это последиее, выхода нет..."

Почти слепой и глухой для этого мира я толкал свое несчастье.

Плавно я спускал коляску в подземелье клииики. „Теперь это важиее всего!" – уговаривал я себя, вызывал лифт, входил в иего, четвертый этаж, потом – направо по коридору, по коридору и в палату иомер девять... Палата снятых с учета детей!

– Как прошло? – встречали иас нх матери.

– Чудесио! – отвечал я самым бодрым голосом: сейчас это было важнее всего. И добавлял, – у Иво такой аппетнт сейчас, – представить себе ие можете. Сейчас ои немиожечко поест, потом поспит...

Погрузившись в унылую атмосферу этой палаты, я быстро усвоил привычку говорить только про то, чему иадо было случиться в даиный момент нлн больше всего – через час. Любой разговор о более далеком будущем звучал здесь, как большая ложь – все настороженио прислушивались к его эху – н каменел язык у того, кто говорнл об этом.

Как только кто-то нз ребятншек терял сознаине н начииал бороться со смертью, все матерн вставали перед своими детьмн – настоящая жнвая шнрма – н отгоражнвалн от нх глаз ужасные вещн, происходившне за спиной.

И самый тихий телефонный зуммер заставлял меня подпрыгивать. Я обходил телефон, как ядовнтое пресмыкающееся, ненавидел его, хотелось удушнть его. Самая иевиниая его внбрация звучала, как сигнал непоправнмой беды. Ои мне сиился. Словно кто-то рвал простынн в моем мозгу, я прыгал, бежал, поднимал трубку, – она зияла пустотой, как космнческая бездна.

Я стал суеверным: в саднке больнцы все ожидал встретнть того помятого водопроводчика; вернл, что встреча с ннм – к лучшему...

Все во мне было перевернуто, как в ограблеином ночью доме.

8

Оказалось, что Георги Мнронов Васнлев, илн как он был представлеи мие – Стажеришка, тот иеспокойиый студент, который по ночам заводил свой кассетофон, не давая покоя специалнсту по сверхнизкнм температурам Румену Георгневу н возможности писать свои суперучебннкн по физнке. Таким образом, выяснилось зачем Жоро торчал перед домом, и кого он поджидал. Розалннда в этом видела перст судьбы. Окончательио отпала версня, что Жоро интересовался исследованиями ее мужа. Не-

смотря на это, я позаботился, чтобы ее еще раз вызвали в управление. Не хотелось встретить ее на лестнице, когда поднимались к Стажеришке.

В условленное время мы были у двери его квартиры. Франт посмотрел на часы, нажал на кнопку. Никто не ответил. Мы переглянулись – ну, а если он что-нибудь затеял? Франт буквально навалился на кнопку, пришлось оторвать его от нее: „Спокойнее“. В квартире послышался вялый кашель, лениво зашаркали шлепанцы, наконец-то послышался голос Стажеришки: „Секундочку! Сейчас...“ Необходимо было любой ценой убедить нас в том, что он только что проснулся. Будто наш приход его не касался и он решил вздремнуть немного. Я был готов поклясться, что он ожидал нас, грызя неспокойно ногти. Давно уже набил холодильник, похозяйничал в гостиной и, улегшись на диване, долго обдумывал свое поведение. Рожденный артистом, он отлично понимал, что во сто крат лучше назубок знать свою роль, чем рассчитывать только на импровизацию.

Он появился на пороге, являя собою образец аристократичности – в роскошном китайском халате, надетом на голое тело, со стомиллиметровым „Камелом“ в янтарном мундштуке. Я улыбнулся ему, пожал руку. Расслабленная и холодная, она оказала неожиданное сопротивление в моей ладони. Его лицо, хмурое и надменное, не изменило своего выражения, когда он пригласил нас в гостиную.

– Это – товарищ, о ком я тебе говорил, – представил меня услужливо Франт. – Влиятельный человек, с большими связями, и деньги в достатке у него, однако, с паровым отоплением на даче попал в тупик. Некому сделать. А к тем, из кооператива, у него доверия нет.

– И правильно, – отметил Стажеришка и важным жестом пригласил меня присесть. Он разместился напротив меня. – Все в кооперативе – прохвостье... А где ваша дача? – заинтересовался он.

– В Драгалевцы, – улыбнулся я в ответ. – На улице триста третьей.

– Великолепно! Каким образом вам удалось поселиться там?

– У меня была роскошная лишняя квартира, – подмигнул я ему. – Поменял на домик на природе.

– Какова площадь этого домика?

– Сорок пять метров, – соврал я.

– Сорок пять? – посмотрел он на меня внимательно. – За роскошную квартиру?

– Однако, домик – в два этажа, – поспешил я исправить оплошность. – А квартира у меня была лишняя...

– У него всегда одна квартира лишняя, – поддержал меня Франт.

– Тогда... – Стажеришка посмотрел на него испытывающим взглядом. – Пусть тебя устроит.

– Будь спокоен! – воскликнул Франт. – Он уже меня устроил... Скоро приглашу тебя в гости...

– Где?

– В „Люлине“...

– Ну, квартал не из самых шикарных, но для тебя – подходит... Виски, водка? – спросил он меня неожиданно.

– Что есть, – кивнул я.

– У меня все есть.

– Тогда – виски.

Стажеришка начал накрывать на стол. Он не спешил, его жесты были плавными и мягкими, будто он священнодействовал.

– Мои домашние сейчас за границей, – начал он вдумчиво, – но когда вернутся, мне придется... Надеюсь вы поможете мне. Я не из неблагодарных...

– Ну, – оскалился я, – от меня что зависит...

– На здоровье! – поднял он рюмку. – Сколько берете?

– За что? – тупо спросил я.

– За квартиру... – смерил он меня взглядом.

– Гм, – улыбнулся на этот раз я хитро, – много тебе хочется знать! – а на самом деле я не знал, что ответить, разговор на подобную тему не был предусмотрен в нашем плане.

– Разговор деловой, – настаивал Стажеришка.

– Смотрю на тебя – уж больно ты умный и, наверное, в этих делах.

– И все-таки – сколько?

– По тарифу! – бросил я и был убежден, что он будет меня расспрашивать о тарифе, однако, он только махнул рукой.

– Ясно! – и добавил: – Дорого, но справлюсь как-нибудь... На здоровье!

– Ну, вернемся к нашему разговору, – поставил я рюмку на стол. – Насчет отопления...

– Паровой котел у вас есть?

– И котел, – ответил я, – и радиатор, и трубы.

– Сколько помещений?

– Всего шесть...

– Так! – он зажмурил глаза, поднял рюмку, словно целился в потолок. – Мои люди – настоящие мастера. Делают все красиво, быстро, но берут дорого.

Он растягивал слова – прикидывал в уме, какую цену предложить мне, чтобы и ему осталось что-то.

– Для меня это не имеет значения, – махнул я рукой. – Главное...

– Четыре тысячи! – бросил он н уставился на меня.
– Чего? – заикнулся я.
– Уже сказал... Четыре куска.
– С моими матерналами?
– С вашимн...
– Это на грабеж похоже.
– Что-нибудь вас смущает?
– Вы... – запнулся я н завертел ладонью у виска. – Что вы, разве...
– Я вполне нормальный... и я, и цена...
– Как вам не стыдно! – крнкнул я. – Мошеиникн, жулики...
– Ну, подождите! – испугался он. – Ведь... По тарифу...
– Какой та... – пытался я крикнуть и неожнданно всхлипнул, взялся за сердце, рюмка упала на пол, разбилась, я раскинулся в кресле.

Стажеришка наблюдал за мной с ужасом.
– Сердце! – крнкнул Франт. – У него слабое сердце. Вызывай „Скорую“!
Стажеришка бросился в коридор. „Все беды на мою голову... – стучалн прнпадочно его зубы. – Все беды!“
– У тебя валидол есть? – крикнул ему вдогонку Франт.
– Там... в деревянной шкатулке в библиотеке, – проплакал тот.

Было слышно, как он лихорадочно крутил диск, упасн бог палец не сломать – „Алло... черт тебя поберн... Проклятые телефоны!“ Было слышно, как он устало н тяжело дышит. „Как бы ему самому не понадобилась скорая“, – подумал я. Стажеришка продолжал крутить диск, так отчаянно, по-женски, всхлипывая: „Все беды мне... Все...“

„Выходит, не в первый раз попадал он в такую ситуацию, – подумал я. – А он такой несчастный, такой ранимый...“

Наконец-то „Скорая“ приехала. Сделали мне электрокардиограмму по всем правилам, прослушалн меня. „Ему придется поехать с нами!“ – заключили они. „Ну, раз надо!“ – угодничал Стажеришка, желая как можно скорее избавиться от меня. Положили на носилки. На дворе собралось много народу, большой балаган получился.

Когда „Скорая“ тронулась, парни из моего отделения скинулн белые халаты и рассмеялись.
– Уже хорошо себя чувствуешь? – спросили онн.
– Да. Спасибо... Все вы – отличные ребята...
Я подсел к Франту:
– Выворачивай карманы...

Я сгорал с любопытства, желая увидеть его находки из аптечкн Стажеришкн.

9

Я издалека увндел маму. Опустив свою седую голову, задумчивая, она пересекала саднк Пироговки и, наверное, не знала в какую сторону идти... Я поспешил ей навстречу. Увидев меня, она оцепенела, глаза сузились, насквозь пронзая меня взглядом.
– Как Иво? – спросила она тихо.
– Плох, – ответил я.
– Почему не сказал мне?
– Не хотел тревожить тебя.
– Что говорят врачи? – она с трудом подавила слезы.
Я поджал губы, словно съел кнслое яблоко, нахмурнлся, кнвнул головой...
– Только это не говори, – всхлнпнула она. – Только это – нет...
– Говори – не говорн... – сорвался мой голос...
Мама заплакала. Я обнял ее, повел к выходу. Своей ладонью я ощущал прерывистую, отчаянную дрожь ее тела, и с каждым шагом во мне крепло убеждение, что мама – единственный человек, перед которым я не мог, не имел права признать свое поражение...

– Надо же такому случиться! – простонала она. – Сколько тебе пережить прншлось... Как раз все уже улажнвалось...

В ответ я легко сжал ее плечо. Спазмы сжимали мое горло. Стоило лншь открыть мне рот, как мама мгновенно ощутила бы мою боль. Но нельзя было. Она родила меня, она впустила в зтот мир с большой надеждой н ожидала от меня только радости. Я не смел себе признаться, что тропинка ускользала из-под моих ног.

Она шла, согнувшись от горя, потом вдруг неожиданно оглянулась и смерила меня взглядом:
– Куда ты меня ведешь?
– На трамвай, – ответил я. – Провожу тебя...
– Я хочу его видеть! – настаивала она, чуть не топая ногой. – Слышишь...
– Нельзя... – всхлипнул я. – Нельзя... Уходи отсюда подальше... Беги три дия отсюда и не оглядывайся...
Она приподнялась, будто тайну какую-то хотела поведать мие.
– Этот ребенок мой, – сказала она. – Как и ты... Я правду должна знать. И если могу – помочь вам. Иначе я не выдержу.
У меня ноги буквально отнялись, когда я вел маму к диализу. Оиа спешила, я еле успевал за ней.

– Только не плачь перед ним, – предупредил я.
– Ты сумасшедший, что ли! – посмотрела она на меня с укором.
Глаза у нее блестели лихорадочно.
Я взял коляску – два дня уже как брал сидячую – неожиданный успех для истощенного тела моего сына. И вошел в зал.
Иво сидел на койке, свесив худенькие ножки.
– Что ты, где пропадал! Полчаса уже жду тебя.
Я с удивлением посмотрел на него – в другой раз он еле веки поднимал, а сейчас...
– Если б ты только знал, кто пришел к тебе! – улыбнулся я ему и помог сесть в коляску.
– Кто? Друзья...
– Нет, – ответил я. – Секрет.
И вывез его в коридор. Мама бросилась обнимать его, но перед самой коляской остановилась, пораженная истощенным видом внука, погладила так нежно и так боязливо, будто боялась не сломать его.
– Пташка моя... Ягодка моя...
Иво взял руку бабушки и прижал ее к щеке.
Только бы не расплакались сейчас! – остолбенел я.
– Пойдемте во двор, – предложил я. – На воздух.

Я остановил коляску под тенью тополей, и мы с мамой присели на скамейку. Иво стал расспрашивать ее о друзьях. Наклонившись к нему, она рассказывала своим теплым, нежным голосом веселые истории из мальчишеской жизни в деревне, и я был уверен, что она приукрашивает их, а сын смеялся счастливо, самозабвенно. С ним произошла какая-то невероятная перемена... Мама подтягивала одеяло на его грудь – „хорошо укутайся, здесь прохладно!“. В голосе сына появилась знакомая мне дерзкая энергия.

Когда мы спускались в подземелье клиники, Иво обратился к бабушке:
– Бабуля, приготовь мне что-нибудь вкусненькое...
– Чего тебе хочется? – улыбнулась она ему поощрительно.

– Печенку молодого барашка, тушеную. С помидорами, если можно...
– Завтра принесу, – кивнула она.
– Ну... – поколебался Иво, посмотрел на меня вопросительно. – Разве сейчас можно найти такое?
– Не тревожься, – ласково погладила рукой она его. – Завтра...
– Но чтоб с маслом, – пошутил он.
– Хорошо, что напомнил, – засмеялась мама. – А то я забыла бы...

Иво начал хохотать и с искринкой в глазах махнул рукой – „Пока!“ и мы поехали вниз по крутому спуску. Я еле удерживал коляску. Перед лифтом, пока я справлялся с его массивной дверью, сын неожиданно поднялся на руках и выпрямился...

– Ой! – бросился я к нему, ужаснувшись.
А он, гордый собой, приказал мне:
– Толкай коляску!
Я подчинился, не спуская с него глаз. Уже месяц он не ступал на ноги, откуда появились сейчас силы у него, я просто диву давался... Садясь в коляску, он снова крикнул бабушке: „Завтра печенку принесешь... Чао!“

Когда я вышел из клиники, то увидел, что мать ждет меня у входа. Я позвал ее, хотелось немного побыть с ней. Худенькая, сморщенная, маленькая ростом женщина обняла меня, а потом отрывисто похлопала меня по груди, будто навсегда оставляла в ней свои слова.
– Слушай, – сказала она, – поверь мне. Я мать и чувствую... Этот ребенок поднимется... Увидишь.

10

В последнее время полковник Кириллов часто удивлял меня. Он не только смутил меня своей неуверенностью, когда обсуждали идею моего помощника Славчо Кынева, теперь я все чаще встречал его в коридоре, каким-то странно ухмыляющимся; и ни к селу, ни к городу им овладевали приступы доброты. Его привычкой стало засиживаться у меня в кабинете. Может быть, ему хотелось вспомнить былые годы – самое счастливое, самое полнокровное время, – когда он сам гонялся по всему городу, как я, и над головой еще не висела ответственность начальника. Обычно он листал какую-нибудь папку, но через час бросал ее и, откинув назад голову, пристально смотрел в окно. Мечтал ли он в это время или пробовал сосчитать листья осины во дворе, – никто не мог бы сказать с уверенностью...

Возвратившись из больницы, я застал его в этой же самой позе.

– Какие новости? – спросил он с притворным равнодушием и как будто углубился в дела.
– Хорошие, – кивнул я головой. – Несмотря на все плохое. Луч света в темном царстве...
– Очень рад, – пробормотал он, не отрывая глаз от папки. – Давно собираюсь сказать тебе кое-что.
– Говори, – улыбнулся я. – Сегодня я в настроении слушать.

– Не мучай себя...
– Что? – посмотрел я на него, скосив глаза.
– Только не говори, что не понимаешь меня, – промямлил он, уткнувшись носом в папку.
– Отлично тебя понимаю, – ответил я. – Как раз ради того...

– Не будь так уверен, что игра стоит свеч, – прервал он меня, захлопнул папку и продолжил скороговоркой. – Знаю, ты мне возразишь. Если бы мне кто-нибудь сказал так месяц назад, и я бы подпрыгнул. Но сейчас... – кивнул он головой и призадумался. – Дети – наше будущее.. Но это „будущее“ иногда в такое выродится, что ты просто счастлив отречься от него.

– Мне кажется, что ты перебарщиваешь с гипотезами, – я уже не мог сдерживать себя. – В условном наклонении...
– С гипотезами? – еле улыбнулся Кириллов. – Если честно, с глазу на глаз, – он оглянулся и продолжил, – то скажу тебе, что месяц назад я подал рапорт об уходе.
– Не может быть! – воскликнул я и присел на стул напротив него. – Полковник Кириллов и рапорт об уходе, – звучит неправдоподобно. Между прочим, – добавил я – я заметил что тебя что-то терзает.
– Это не так уж трудно! – пробормотал он. – Ведь не со вчерашнего дня знаем друг друга.

В моем кабинете установилась тягостная тишина, слышно было только ожесточенное жужжание мух. Я попробовал сменить тему разговора и кивнул на них:
– Настоящие мессершмидты... Не оставят нас в покое.
– Тебе известно, кто заставил меня подписать себе приговор? – стрельнул глазами Кириллов, пропустив мимо ушей мои слова. – Мои сыновья. Да, мои... отцовые орлята! Оказались замешанными в какой-то истории... Ограбления магазинов. У меня было ощущение, что я не переживу этого! – простонал он. – Слава богу, все обошлось.

– Каким образом? – нагнулся я к нему.
– Нет, я не вмешивался, – отрицательно покачал головой он. – Пальцем не шевельнул. Сел и написал рапорт. Я думал, если они запятнали мое имя, мне-то самому с какой стати пятнать еще больше. Оказалось, однако, что они только в одной банде с ворами были, но не участвовали в грабежах.

– Повезло им! – вздохнул я с облегчением. – Им на радостях плясать надо.
– Они попляшут, – сделал кислую мину он, – но не знаю, ты ощущаешь ли насколько они близки были к этому.
– Ну да, – кивнул я, – всего шаг...

– Слишком много мы работаем и днем, и ночью, без отдыха, – неожиданно голос его стал громким, сильным, – в конце рабочего дня проводим заседания, собрания допоздна, и там слишком много говорим о будущем, так много, что не хватает времени посмотреть на будущее в своем доме. А оно иногда такое вытворяет, что мы чуть с горя не умираем: „Лучше бы, чтобы его не было!“ – и из сердца вон. Тогда мы спрашиваем себя, стоила ли игра свеч? Поэтому я говорю это тебе...

– Я понимаю тебя, – прервал я своего начальника, – но не могу так...
– Я от тебя и не ожидал другого, кровь в тебе все еще кипит. А моя уже давно перекипела... И все-таки, я прошу, не мучай себя.
В ответ я пожал плечами.

– Ты нам нужен! – настаивал Кириллов – Ты еще молод. У тебя все еще впереди.
Он говорил так, будто в моем доме уже случилось непоправимое. Наверное, полковник ожидал, что я расчувствуюсь, растрогаюсь. А я был опустошенным внутри, как стреляная гильза. Кириллов наконец понял мое состояние, смутился за свои слова, откинулся на спинку дивана, вздохнул и слишком шумно и деловито раскрыл папку на столе.

– А сейчас – работать! – сказал он. – За нас некому работать. Дело нас ждет...
Стараясь не смотреть на меня, он позвонил следователю Крыстанову. Через минут десять они убеждали меня, что уже пора Стажеришку брать тепленьким.

– Вот смотри, – указывал на справку Крыстанов. – Богатая документация: незаконная торговля, валютные делишки, мошенничество. Перечислять еще? Только одно из этих нарушений дает нам основание... А остальное – сам знаешь – вытянем из него самого.

– Кроме того, у нас важная улика, – поддерживал его Кириллов и в который раз тыкал в нос заключение экспертов. – Вот... две упаковки „Фризиум“, в его аптечке нашли. Эти снотворные таблетки в наших аптеках не продаются, но по своему составу точно совпадают с теми, от которых навсегда уснул Жоро. На упаковках – отпечатки Жоро и Стажеришки. Железная улика! Чего нам еще ждать? Что и как произошло на допросе выяснится.

– Я как раз в этом-то и не уверен, – вздохнул я. – Послушайте меня. Мы уже попали в десятку, перед нами верный путь. А почему? Потому что у нас хватило терпения мелочи собирать. Давайте еще пособираем. Я

знаю, выпадут более важные улики...

– Твои люди измотаны этим розыском, – вздохнул Крыстанов. – Надоело им. Кынев уже собирается уйти от тебя.

– Уйти? – моргнул я.

– Думает искать удачу в другом направлении, – пробормотал Кириллов.

– И гоп! – передразнил я эксцентричный стиль своего помощника. – Выдвинут его...

– Не смейся! Это нормально... – строго сказал Кириллов и продолжил. – Уберем этого плута Стажеришку, и ты отдохнешь. Хватит тебе такую тяжелую ношу на плечах нести... И ты спокойно мальчиком займешься.

– Слушайте меня, – голос у меня задрожал. – Прошу вас.. Поверьте мне. Еще немного осталось, чтобы закончить это дело красиво, элегантно, как по учебнику. Я убежден: если победа будет на моей стороне, то они победят.

– Кто это „они“? – посмотрели на меня удивленно они оба.

– Врачи, – еле выговорил я. – Смогут поднять на ноги моего мальчика...

Коллеги смущенно уставились на меня, они не знали, что ответить. „Ну, хорошо, хорошо!“ – вздохнули они наконец.

Долго обсуждали мой план. Следователь примкнул к идее с энтузиазмом, предлагал интересные варианты и все хвалил меня: „Только бы не сглазить, – ударил он меня по плечу, – ты всех нас превзошел!“ В конце разговора я вспомнил, что когда мы с Франтом гостили у Стажеришки, Крыстанов согласился встретить Розалинду в управлении и поговорить с ней.

– Что новенького? – спросил я его в связи с этим.

– Почти ничего, – приуныл Крыстанов. – Мечтали они ездить по белу свету, жить как тузы... Идиллия! Намеревались бросить „Запорожец“. Жоро копил деньги на „Мерседес“.

– „Мерседес“! – воскликнул я.

– Да, а что?

– И тебе, кажется, надоела эта история, – ответил я. – На тебя ничего не произвело впечатление? „Мерседес“ – это что-то новенькое...

– Не знаю, – пожал плечами Крыстанов. – Может быть, это невзначай сказанные слова.

Немного погодя, я созвал ребят из моего отдела. На самом деле, вид у них был истощенный. Марко, который в последнее время словно тень ходил за Стажеришкой, еле держался на ногах. „Еще немного, ребята, – подумал я. – Совсем немножко“... Я поставил им задачу внедриться в среду ханыг. „Запомните! – сказал я им. – Ведите себя как новички в их ремесле: трусливые, угодливые и глупые. Если окажетесь в затруднительном положении, поджимаете хвост, и чао! Никакой отсебятины. Действовать нужно очень осторожно“.

Я наблюдал тайком за своим помощником Славчо Кыневым. Прищурив глаза, ощетинившись, он сидел неподвижно, глядя в одну точку, с видом мрачного, отрешенного ото всего мира человека, бросающегося на стену. „Ничего! – отметил я про себя. – Пусть помучается, чтобы потом ошибок не делать. И не терзал своих подчиненных“.

– Это особенно вас касается, Кынев! – подчеркнул я. – Никакого самоуправства! Сейчас это очень важно.

Он молча кивнул.

Оставшись один, я откинулся на спинку стула и закрыл глаза. „Хороший день получился у меня сегодня!“ – подумал я. Захотелось сделать что-то необычное, чтобы переполненная заботами душа отдохнула немного. Я открыл ящик, и перед моими глазами, в который раз, промелькнул знакомый листочек: „Петранка Маринчкова...“ Я услышал ее голос: „А не пригласите ли вы меня на чашечку кофе?“ Рука сама набрала номер телефона. „Наверное, уже не застану ее на работе в этот поздний час!“ – оправдывался я перед собой.

– Алло! – ее голос раздался в трубке так громко и свежо, будто она только что вернулась с экскурсии.

– Здравствуй... – пробормотал я, теплая волна залила мое тело.

– О, здравствуйте! – воскликнула она. – Как давно я ждала вас...

– Меня? – я смешался и улыбнулся, словно девушка была передо мной. – Так вы... вы поняли, с кем говорите?

– Никакого значения не имеет, кто вы? – сказала она. – Важно, что вы позвонили...

– Вот как! – начал хохотать я, такой разговор меня очень устраивал. – Что новенького у вас?

– Ничего, – вздохнула она. – Весна, как известно, прошла, и лето уже близится к концу. А я почти совсем заплесневела здесь...

– У вас железный характер, все будет в порядке, – попробовал я вдохнуть в нее надежду.

– Так когда будем кофе пить?

– Как раз и я об этом хотел спросить?

– Ну, например, сегодня вечером...

– Нет, сегодня вечером я ие могу, – наотрез отказался я. С какой стати я игру вел эту, кто давал мне такое право? – Будьте здорова! – бросил я в трубку и сразу ее положил.

Поступил я очень глупо, чувствовал себя идиотом, одиако в душу мою иачал пробиваться свет.

11

Мы с Батей сидели в туалете – единственное место в больиице, где человек спокойно мог выкурить сигарету – и тихо вели разговор. Вдруг дверь нерешительно приоткрылась, и мы поспешили потушить сигареты. К нам как-то иеловко приблизился лучший уролог, как мне раньше его представили. Я с нетерпением ждал его возвращения из Парижа: хотел узнать результаты биохимических обследований моего сыиа.

– Добро пожаловать! – пожал я ему руку. – Какие новости?

Врач ие ответил, присел, иачал рыться в сумке, вынул какой-то блаик и подал мие.

– Вот, – сказал он. – Но своей жеие обязательно другос скажите. Хроиический иефрит или пилонефрит...

– Почему? – я смотрел иа иего с удивлением. – Я вас не понимаю...

Батя взял бланк из моих рук, всмотрелся в густо написанные строчки и перегляиулся с врачом.

– Переведи мне, – глухо сказал я, так как в горле у меия пересохло. – Что там написано?

– Глумеронефрит субакута, – опередил его врач, и так как я продолжал смотреть вопросительно, пояснил. – Плохо... Очеиь плохо... Самое плохое... субострый нефрит...

– Звучит как-то иевиииее, чем острый, – попробовал пошутить я, хотя весь оцепеиел.

– Только звучит, – пожал плечами врач, застенчиво опустив глаза. – Вот...

– И никакого выхода нет? – спросил я.

– Какого выхода? – чуть ли не с возмущением посмотрел он на меия, ио его взгляд встретил глаза Бати, и врач, опустив голову, промямлил. – Только себя обманываем, что делаем что-то. В Париже я видел людей, которые живут с искусственными легкими. Гиблое дело! Зачем живут, я вас спрашиваю, какая от этого польза?

Я смотрел на иего, слушал и ие верил своим глазам. Все я ожидал, но таких слов от врача... Уролог ощутил холодную иеприязнь, которая вырастала между иами, выпрямился и замахал руками:

– Вот... это все, товарищи... Чем мог – помог...

И поспешил уйти. Мы с Батей долго смотрели ему вслед и молчали.

– Оставь ты его! – промолвил он. – Он думает, что я не знаю его... Блатник!

– Но это, – кивнул я на бланк. – Из Парижа...

– Хоть из Нью-Йорка... Нс верь им! Не оставим ребенка.

Я испытывающе посмотрел на него, до сих пор он никогда не обманывал меня, давая пустую надежду.

– И не думай, что он ради твоего сына ездил в Париж, – продолжал Батя. – Или ради нашсй медицины? Чушь! Ради своей представительной... испугался. Думает, что я не знаю.

– Что же это получается? – удивился я.

– А то, – еще больше разъярился Батя. – И профсссорам больше не верь. И всем остальным там... „букварям". Жулье! Науку они толкают... Чспуха! Нс хочется им ни за больными ухаживать, ни на страдания смотреть, поэтому как страусы и зарывают головы в книги, списывают хорошо и потом, смотри на них, – все кандидаты наук. Слово не дадут вставить. По тридцать левов каждый месяц.

Я был ошеломлен. Впсрвыс он так набрасывался на своих коллег. Не пытался ли он таким образом отвлечь меня от кошмарной новости, о которой мы только что узнали?

– Согласно их учсным книгам, – продолжил упрямо Батя, – твоего сына давно надо было списать.

– Списать? – скривил я губы.

– Да, но это нсправда... Так нельзя! Если бы все было так просто и ясно, как в учебниках, мы ни на шаг не сдвинулись бы вперед... Если бы человеческий организм был хорошо изученной системой механизмов, его бы доверили слесарям, монтажникам. . Но этого нет. И слава богу! Они все только одно знают: чтоб кто-то принял на себя ответственность за диагноз и потом – лечение по схеме... Если результата нст, виноват только пациент – объявляем его бесперспективным. А любая схема – мы хорошо знаем хоть это – убиваст надежду. Надо слушать врачей, – ткнул он пальцем мне в грудь, – которые всю свою жизнь больными занимаются. Врачей, как я. Наше кредо: борись! Борись, даже когда нет шансов победить...

Я пожал ему руку. Глухо и откровенно хлопнули наши ладони.

– В борьбе ссйчас вся наша надежда, – сказал я. – У нас нет другого выхода...

Сначала твоему сыну надо выйти из стреса, – начал вразумительно Батя. – Представляешь ты себе, какое крутое вмешательство этот диализ? Ужас!... Иво преодолеет этот момент, привыкнет. А также и с мыслью, что он должен довериться нашим рукам, чтобы жить... Потом попробуем пересадить ему почку, все попробуем.

Слушай, – сказал я, – ответь мне честно, эта пересадка.. есть ли какой-нибудь смысл в этом?

– В медицинской академии врачу пересадили почку и вот уже четырнадцать лет живет... Если для тебя четырнадцать лет не имеют смысла...

Но этот случай – единственный, – еле пробормотал я.

Нет не единственный... Год назад я участвовал в такой операции. Я взял почку от умирающего. Представляешь себе, что я ощущал, когда нес в руках этот небольшой шарик плоти? Тебе хочется бросить все и кричать.... Но как можно бросить жизнь?

Слушай, – сказал я приглушенно и нужно было напрячь связки, чтобы из них вышел звук, – давно я собираюсь спросить тебя... Почему ты сначала избегал нас и изображал из себя малоумного?

– Когда? – вздрогнул он. – После того, как были получены первые биохимические обследования?

– Да, – ответил я, – именно тогда... И прошу тебя, честно! Ты должен мне этим ответом...

Батя закурил, задумался и посмотрел на меня, прямо в глаза.

– Я еще тогда понял, что вас ждет. Не было сил у меня сказать тебе об этом... Хотелось возненавидеть вас, отдалиться от вас, чтобы не переживать потом ваши страдания, когда понадобится помочь вам... – голос его стал предательски тонким, он глубоко вздохнул и отрезал. – Но теперь мне некуда деваться...

12

Весь день я объезжал частные станции „Автосервиса" – те, которые существовали в согласии с законом, и те, которые появились на окраинах города без разрешения. Везде встречали меня с неприязнью, спешили от меня отделаться. Наконец-то в „Надежде" мне повезло: как только монтер, пожилой добрый человек увидел фотографию в моих руках, кивнул: „А, знаю его... Знаю... Одно время он мне чертовски надоел".

В каком смысле? – спросил я его.

– А в таком, – пожал плечами мастер, – я здесь мастерю, а этот товарищ, – он снова кивнул на фотографию, – торчит у двери и смотрит... Однажды вечером говорю ему: „Ну, ты что, не задумал ли у меня работу отобрать?" „У меня, говорит, есть работа, только очень уж мерседесики мне нравятся..." Вы же видите. Я в основном эти машины ремонтирую, и называют их по-разному, но всегда ласково... однако... тот убил меня... Мерседесики! – словно собирался в карман их положить. По глазам видно, что он большой ценитель красивого.

– Чего?

– Машин, конечно... Если тебе попадется какой-то мерседесик, говорит, свистни. Вот так, – монтер развел руками, – но с тех пор он не приходил.

– А ты как бы свистнул ему? – спросил я. – По водосточной трубе?

– Почему? – смутился хозяин. – По телефону стало быть...

– У тебя сохранился его телефон? – посмотрел я ему в глаза и подумал: „Сейчас обманет меня, что потерял его..."

– Пойду посмотрю, – человек согнулся, шмыгнул в барак, я последовал за ним. Он долго рылся в каком-то ящике, где было много болтов, охал, потел, наконец воскликнул: „Тебе повезло!" – и замахал каким-то помятым листочком.

„Наверное, оставил номер телефона Розалинды!" – подумал я, когда брал листок. Я посмотрел на него и чуть не подпрыгнул от радости – на его запачканной ржавчиной поверхности красовалось „Петранка Маринчкова" и под именем – ее служебный и домашний телефон...

– Как мне повезло! – задохнулся я. – Ты заслужил угощение.

– Я не пьющий, – сказал человек, озадаченный моей неожиданной радостью: – Ну-ка! Перепиши и верни листок. Если что-то попадется, позвоню ему.

– Теперь это будет очень трудно сделать, – сказал я, записывая номер в блокнот.

– Почему? – все еще недоумевал он. – Хорошие машины сейчас – везде и всюду.

– Связь прервалась.

– Ага, – кивнул он понимающе, – взяли его тепленьким.

– Наоборот, – сказал я, вырвал листок из своего блокнота и подал ему. – Холодно ему сейчас... – „подлинную" записку сунул в мой карман и добавил: – Неисповедимы пути господни, мастер...

И я пошел. Шел по улице и повторял себе: „Если решето потрясти, что-то выпадет из него".

Прежде чем звонить Петранке, я решил позвонить в больницу.

– Алло, ничего не слышно! – кричала дежурная медсест-

ра. – Отец Ивайло? Немедленно приходите! Ничего не слышио... Приходите...

Ее голос ничего хорошего не предвещал.

13

Трое суток в коме... Мозговые судороги сотрясали тело сына: он то метался по койке, то замирал в странных, уродливых позах, они то искривляли его пальцы, то схватывали и мучили его лицо. Я стоял и смотрел.

И, наверное, я умер бы от тоски – я не мог бы, действительно, не мог бы вынести страдания своего ребенка, если бы в зти критические минуты с нами не было Бати. Он спал где-то на этажах, однако, стоило мне прийти в перевязочную, стать в дверях – у меня больше не было голоса, нс было сил даже кивнуть в сторону палаты сына, – сестра брала трубку, и мой друг прибегал, кое-как накинув на себя халат. Делал какие-то, видимо успокаивающие уколы в безжизненную плоть мальчика, объясиял мне: „Диализ заодно с ядами вытянул очеиь много микрозлементов, сейчас в его крови полный хаос и поэтому мозг реагирует... Ты не бойся! – добавлял он, хотя и неуверенно. – Положение сложное, но опасности нет...“ Какой опасности – он ие уточнял, а я не спрашивал.

Вопреки его заверениям иа второй день нас перевели в отдельиую палату. Я уже зиал, что зто означает. Дежурные врачи только посматривали иа температурный лист и спешили уйти. Как будто самое важиое было то, есть ли у иего температура... „А всдь все как будто иормализовалось! – кусал губы я. – Ои иачинал поправляться!“. А из ума не выходили слова Бати об микроэлемеитах. Во мие все сильиее укреплялось поражающее своей механической холодностью представление о человеке, как о колбе, из которой можно отливать или доливать в нее. Так, в бессознательиом состояиии, я вез сына иа диализ и обратио. Вез его с опущеиной головой. Не хотелось видеть полиые ужаса взгляды, сопровождавшие меня.

Сыи лежал неподвижно, закатив глаза, страшно разинув рот, готовый поглотить весь мир без остатка и выплюнуть его.

Я стоял и смотрел. Мне некуда было идти, я просто не мог уйти, спастись от зтого ужаса; даже если бы вглубь земли зарылся, этот кошмар все время стоял бы перед моимн глазами. Я судорожно курил в туалете – едннственном для меня кратковременном убежнще в зтн дни, – курнл сигарету за сигаретой, пока не закручивалась голова, пока в голове как искорка не мелькала мысль – „А еслн сейчас нменно в зтот момент...“ И я бросался в палату, молясь: „Только бы... Только бы застать его живым!...“

Он был на месте, тяжело и безнадежно распластавшись на койке, оскалив зубы всему миру. Я присаживался к нему, сжимал до боли ладони, и сгорбившись, молился: „Только бы до утра дожил! Тогда у врачей появится шанс помочь ему чем-то!“ Однако стоило лишь посмотреть на его пепельное лицо, как я понимал, насколько бессмысленна моя мольба и думал: „Еще час бы, еще десять минут, еще миг...“ В тот момент, когда я шептал „Еще... еще...“, я ощущал, мгновение уже ушло и тогда, растерявшись, в каком-то тупом оцепенении повторял: „И следующее мгновение, и следующее, и следующее...“ – словно считал. И когда я видел, что грудь мальчика вздымается, пусть с трудом, с хрипами, но вздымается, во мне укреплялась вера, что бессмысленное на первый взгляд повторение „и следующее...“ – зто то магическое заклинание, которое сейчас толкает его кровь и вливает знергию в его тело. Пусть за один-единственный удар его сердца, но я сейчас молился за зтот удар, ждал его, остолбенев, он глубоко отзывался во мне, сотрясал меня, как подземный толчок, и я благодарил провидение, благославлял его. Без этого мгновения и без этого удара не было бы следующих.

В самые тяжелые минуты, когда все существо сына вытягивалось, словно с ужасом отстраняло протянутую к нему руку смерти, когда каждой клеточкой своего тела он кричал о помощи, я ничем не мог помочь ему, кроме своего присутствия, безрассудно повторяемого заклинания-просьбы: „Еще... еще, мой мальчик... Остаиься живым... Еще...“ Не хватало сил добавить „И все будет в порядке“.

Время играло не в мою пользу. Теперь оно превратилось в угрозу, нацеленную на тот миг, когда сын все еще дышал. Мне хотелось растянуть как-то этот миг, сохранить его навсегда. Слепо и преданно верил я в него и лишь в него.

Когда кризисы проходили, я, чуть дышавший, оставшись без капли сил и мужества, спрашивал себя: „В чем смысл этой минуты, зтого часа, когда ты молишься, раз ие приходит долгожданное облегчение?“ Но этот вопрос не истощал меня, а наоборот – прибавлял сил, возраждал мое желание бороться, жить. Таким образом, я постепенно приходил к мыслн, что именно надежда на мгновение – подлинный смысл нашей жизни. Без зтой надежды мы бы не стронлн планы, мы ничего бы не делали. Поэтому каждая искра, высеченная кремниевым механизмом времени, для нас бесценна и несравненна.

Вдруг неожиданно мой сын, три дня лежавший без сил, поднялся на локтях и с закрытыми глазами, все еще в бессознании, стал кричать:

– Ивайло Асенов Петков... Ивайло Асенов Петков...

Так стремительно он сообщал свое имя врачам, когда им было необходимо заполнять свои протоколы. Но сейчас сын кричал настойчиво, кричал властно из мрака своей преисподней, словно вбивал в голову кому-то свое имя, словно спорил с кем-то, словно единственное, что все еще мог противопоставить небытию – это имя свое. „Господи! – думал я. – Кто знает, перед какими комиссиями сейчас он находится и какие протоколы заполняют они там".

Через час он наконец-то пришел в себя и открыл глаза. Я ощутил их лихорадочный жар. Он смотрел на меня, не моргая; я не был уверен видит ли он меня и боялся шевельнуться. Спустя некоторое время его взгляд начал двигаться, обошел нерешительно комнату, аппаратуру, потом еще раз и еще быстрее. „Где я? – приподнялся он. – Где я?"

Я присел к нему. „Ты здесь, Иво! Со мной... – вдалбливал я ему, обнимая легко его плечики и прижимая к постели. – Это я, твой отец..." Однако то ли слова мои не доходили до него, то ли он не верил мне, но он все более ожесточенно подымался, и с нарастающим ужасом в горле повторял: „Где я?..."

Наконец его взгляд остановился на моем лице, боязливо ощупал его черты. Ивайло закрыл глаза, как будто хотел припомнить, как я выглядел, опустился на постели и притих, уставившись в потолок.

14

Я шел домой. Со мной что-то происходило. Мне казалось, что я весь растворился в теплом воздухе, и от меня остались одни глаза... Мир стремительно двигался навстречу мне. „Как нам с ним разминуться?" – я встал и зажмурил глаза. Словно мои ноги застряли в чем-то, и я не мог сделать ни шага вперед. Наверное, нужно было сначала пустить в ход заевшие в моем мозгу шестеренки.

Я попробовал ответить себе на вопрос: „Кто я? Куда я иду? Что делал вчера? А до этого". Так я вспомнил о девушке. О Петранке Маричковой... Странное имя. Надо было звонить ей. Куда-то сюда... Наверное, в верхний карман пиджака я пихнул листочек с ее телефоном, прежде чем побежал в больницу. Листочек был на своем месте. Теперь оставалось, чтобы я верно записал цифры... и чтобы в Софии другая Петранка Маричкова не проживала.

„Может быть, завтра... – думал я, подходя к телефонной будке. – Зачем откладывать? – продолжал я свои размышления. – Все равно, ребятам уже все надоело. Я живой и могу! Я живой и могу!" – повторял я про себя, пока набирал номер, пока ждал, чтобы услышать в трубке светлый, лучезарный голос девушки.

– Да! – среди пискотни и треска послышался совсем другой голос – измученный, убитый и отчаянный, медленный. – Да? – я был готов извиниться, настолько отличался этот голос от голоса, который я ожидал услышать: „Извините, ошибся!" – и повесить трубку. Но в этот момент в моем ухе настойчиво зазвучало: „Кто это звонит? Кто там?"

– Это я. Хочу встретиться с вами...

– Отлично! – пропела она, на другом конце провода происходила неожиданно быстрая перемена. – Где вы меня будете ждать?

– Где вы скажете, – пробормотал я. – Где вам удобнее...

– В кафе гостиницы „София"?

Я призадумался: довольно далеко от того места, где я находился сейчас – но все-таки не мог предложить ей пошлую встречу „на углу, возле пекарни", или гнать ее по улицам города в этот поздний час...

– Отлично! – согласился я. – Можно...

– А как я узнаю вас? – спросила она, и я почувствовал, что в эту минуту увидел ее лицо: с каждой минутой оно хорошело...

– Но ведь... – я заикнулся. – Мы были знакомы...

– Наверное, – засмеялась она, – только вы забыли сказать свое имя.

– Верно, – вздохнул я, и в этот же миг меня схватила боль. – Я буду в бежевом костюме... – успел сказать я и сразу повесил трубку, чтобы она не услышала моего стона и прислонился к стенке будки.

Опоясав мою грудь кнутом, боль глубоко вонзилась в меня и сжала. Горло онемело, я не мог дышать. Сердце остановилось. Я закрыл глаза и стал ждать. По лицу тонкой струйкой текли холодные и чужие капли пота. Вытер их ладонью, и это движение ослабило жестокое кольцо, сжимающее мою грудь. Медленно, осторожно я перевел дух. Открыл глаза... Старомодно одетый старичок наблюдал за мною с сочувствием. Спиной я толкнул дверь.

– Вам что-то плохое сообщили? – спросил старичок.

– Наоборот, – я попробовал улыбнуться. – Чрезвычайно хорошая была весть.

– Ну да, – кивнул старичок. – Во всем мера нужна... Не помочь ли вам?

– Что вы! – я легко поклонился ему. – Благодарю вас.

И пошел. Двигался я внимательно, почти ощупью, чтобы не спровоцировать опять боль. „Ну да, – рассуждал я. – Этого можно было ожидать. Трое суток – только кофе и сигареты...“ На улицах и в троллейбусе люди смотрели на меня удивленно.

В кафе „София“ я нашел свободный столик, повалился на стул и весьма бодрым голосом заказал официанту коньяк и кока-колу. Смешал принесенное и выпил. Воспоминание о жгучей боли не покидало меня. Алкоголь приятно обжег внутри, расшевелил мою застоявшуюся кровь, взболтал ее. Я немного пришел в себя. „И почему я ей свое имя не сказал? – стал корить себя я. – И как описал себя: „в бежевом костюме“ – ей теперь хоть бы до завтра меня найти... А может, и не придет...“

Девушку я увидел издалека. Она пробиралась торжествующей походкой. Каждый изгиб ее стройного тела танцевал при этом. Только это проклятое выпирающее плечо...

– О, это вы! – воскликнула она и устроилась напротив меня. Всмотрелась в мое лицо. Взгляд ее был озабоченным.

– Да, это я, – пробормотал я невнятно.

– А вы в этом уверены? – она наклонилась ко мне и еще пристальнее всмотрелась в меня.

– Ну, – пожал е плечами, – не очень-то, но все-таки...

– А вам давно не приходилось смотреть на себя в зеркало?

– Давно, – я провел ладонью по лицу, и она застряла в жесткой, как металлическая щетка, бороде. – Извините, но у меня не было времени.

– Что вы важничаете? – грустно покачала она головой и подала мне свое зеркальце. – Лучше посмотрите на себя...

Из зеркала на меня смотрело совсем незнакомое лицо: огромные мешки под глазами, налившиеся кровью белки, сморщенная на скулах кожа, испещренная белым борода, а седые волосы в моем чубе блестели как-то неестественно, словно стальные нити. Взгляд был тяжелым, будто я только что встал из-под наркоза. „Да-а, – я был сокрушен, – этого следовало ожидать...“

– Ну, и что тебе не нравится во мне! – пожал я плечами, возвращая зеркальце девушке. – Красив, как принц...

– Упаси бог! – дернула она себя за лацкан и тихо спросила. – Что случилось?

– У меня большие неприятности, – махнул я рукой.

– Оно и видно. Уж больно похожи вы на потерпевшего кораблекрушение.

– Точно, настоящий потерпевший...

– Давайте! – хлопнула она ладонью по столе.

– Чего? – удивленно посмотрел на нее я.

– Идемте! – отрезала она. – Здесь же вам нельзя оставаться.

– Это обязательно? – откинулся я небрежно.

– Если останетесь здесь, то спустя немного вы уснете на столе. Персонал вызовет милицию, и вас запихают в вытрезвитель.

– Так далеко?

– Это не так уж далеко, – успокоила она меня. – У вас физиономия, как после недельного запоя. А если еще дохнете – все в обморок упадут. У вас нет выбора... Вставайте!

– Убедили, – сказал я и бросил на стол пятилевовую банкноту. С трудом привстал. – Идем...

Девушка ловко просунула руку под мой локоть, и мы пошли. Коньяк уже пробрал меня, и я еле удерживал равновесие, словно спускался по мягкому снежному склону, и лыжи несли меня... „Сейчас только не хватало, – подумал я, – чтобы меня начальство увидело...“

Однокомнатная квартира, в которую мы вошли, была похожа на сумрачную коробку, битком набитую старой мебелью. Петранка бросила мне полотенце, разорвала упаковку допотопного „Жилета“, мода на эти бритвы прошла еще десять лет назад, и приказала:

– Иди в ванную!

– Ну, попался тебе слабый человек... – пробормотал я, а сознание мое исподволь отметило: „Слишком быстро перешли мы на „ты“!“

Я открыл кран, подставил голову под прохладную струю. Зажмурил глаза... Вода, ласковая и мягкая, как будто проникала в мою плоть и размывала давно накопленные пласты усталости, ужаса и отчаяния, размывала их и уносила в веселым бульканием в трубы.

Я пришел в себя. Петранка подала мне нераспечатанную коробку с одеколоном. Я вскрыл упаковку, открутил крышку флакона, и всей грудью глубоко вдохнул аромат одеколона.

– У меня такое чувство, будто обворовываю кого-то, – сказал я ей.

– Что? – удивилась она.

– Это, – я кивнул на одеколон, – очевидно, было приготовлено для какого-то другого человека.

– Как раз для тебя, – улыбнулась она.

– Этой безделушке, – я поднял бритву, – уже десять лет, а мы ие так уж давио знакомы с тобой...

– Ты ничего ие поиимаешь... Все зто приготовлеио для мужчины, который придет...

– Но я ие тот...

– Напротив! Я всегда ожидала, что мужчина, который придет, скажет зти слова.

– Будет лучше, если я скажу тебе за чем пришел к тебе.

– Может, поужинаем сначала, – с баловством иаклоиилась ко мие девушка и, уже идя на кухню, спросила: – Ты согласен со миой?

– Куда мие деваться? – попробовал я пошутить, одиако грязиенькая мысль: „Что ты заигрываешь?" – пронзила мой мозг, и улыбка замерзла иа губах.

Я закрыл глаза, расслабился, припомииая знамеиитую фразу одного из моих коллег: „Все вытерпим, ио дело сделаем". „Точио, – произиес я, – все вытерпим..." Кажется, я впал в забытье. Миогое, что случилось позже, я как-то трудно припомииаю, словно в тумаие все скрылось. Девушка приносила с кухни различиые блюда, а я говорил себе: „Ах, какой сон! У кого что болит, тот о том и говорит!" Притом каждый раз, когда входила ко мне, она была в различиом туалете. „Что с ней происходит?" – думал я. И что я только ии делал, чтобы остановить неустанное нашествие блюд, чтобы вырваться из этих нелепых сновидений.

Накоиец-то я вроде проснулся. Стол передо мной был накрыт пустыми тарелками. „Выходит, зто не было сном", – подумал я. Петраика улыбалась мие, иаряженная в белую блузку с бантами.

– Слушай, – сказал я, – думаю, что мы не на гастрономическом торжестве... или на модном ревю...

– Ты прав, – согласилась она.

– Так что вернемся к делу, – продолжил я. – Тебе известно, где я работаю?

– Известно. Ведь ты приходил к моей начальнице... Она была удивлена твоей интеллигентностью.

– Сомневаюсь в этом. Так вот что... Я розыскиваю одного человека. Мне стало известно, что ты его знаешь, – я вынул фотографию и показал ей.

– Да, – заикнулась оиа, дернулась, будто испугалась фотографии, посмотрела на меня с сожалением и шепнула. – Я зиала... Еще тогда могла помочь вам...

Пространство между нами стало холодным: оиа опять говорила со мной на „вы".

– Вы что, знали зачем я заходил к вам... тогда? – спросил я.

– Нет... Но я была увереиа, что могу вам помочь. Я это ощущала... Только нужно было со миой поговорить... Пригласить иа чашечку кофе... Но вы пролетели мимо. Предпочли бегать туда-сюда, бегать... Вместо того, чтобы поговорили со миой... Эти жалкие мелочи... пустые задержки... И долго вам пришлось бегать?

– Долго, – признался я. – Изнемогаю уже...

– Оио по вам и видио, – вздохиула Петраика. – А могли бы и не делать всего зтого.

Ее голос опять зазвучал приглушеино, как-то подчеркиуто изысканно и отдалял нас друг от друга еще больше.

– Ну, к делу вернемся, – настоял я на своем. – Вы его зиали?

– Очеиь хорошо, – откровенио посмотрела она на меня.

– Но что-то не вышло, так?

– Ничего не получилось... Каждый его шаг сопровождался неудачами.

– Почему?

– На нем слишком ясно было написано, что не ради меня он приходит ко мне. Для него я была, как вам сказать, всего приятной встречей. Случай в лесу. Через меня он мог бы бросить якорь в Софии: прописка, квартира, всегда теплая еда на столе... И ему бы недорого вышло... Поиимаете вы, какую злементариую выгоду он мог извлечь из меня?

– К сожалению, да.

– С ним невозможно было разговаривать. Ои был зациклен на простейших вещах: жилье, пище, зарплате. Он был привязаи к иим, иу, как вам объясиить... как собака к забору, очень короткой цепью, иичего другого не видел, ничего другого ие зиал... Одиако, свой забор защищал когтями и зубами.

– Да, да, – нервио стукнули мои зубы, девушка посмотрела на меня. – А вы знаете, – поясиил я, – я весь избегался ради этого человека...

– Из-за иего все обычно бегают, – язвительио иачала она, – одиако...

– Да, – быстро остановил я ее, боясь того, что иаш разговор может уйти в сторону. – Я допустил тогда большую ошибку, ие расспросив вас о ием. Прошу вас... Если хотите помочь мне, расскажнте мие все, что вам известно об зтом человеке. Абсолютио все... Даже и то, что вы счнтаете ие таким уж важным...

– Хорошо, – кивиула оиа н откииулась на спинку диваиа, поджав ногн под себя. – Все-таки спрашивайте меия... ие зиаю с чего начать?

– Как его звали.
– Коста Леков Гоголешев...
– Что? Какой Коста... – от неожиданности я привстал и уставился ей в глаза.
– Коста Леков Гоголешев, – повторила она спокойно. Его адрес в Софии: улицы Стралджы, 428...
– Подождите, – попросил я ее, достал блокнот и, пока записывал ее слова, спросил. – А Жоро? Ведь все знали его под этим именем.
– Это его псевдоним. Что-то вроде... торговой марки.
– По-вашему, для чего она понадобилась ему?
– А черт его знает. Он ко мне пришел Жорой. Так он знакомился. Ему было неприятно, когда я обращалась к нему с его подлинным именем. Он был влюблен в свой псевдоним.
– Как долго он работал у вас на предприятии?
– Около полутора лет...
– Почему Жоро никто не знает на предприятии, ни кадровичка, ни кассирши?
– Они и в глаза его не видели. Я подала его документы. Мы вместе с ним заполняли. Тогда и познакомилась с ним. Оттого и знаю его настоящее имя. Я за него получала его зарплату.
– И бригадиры тоже не знают его...
– Он самостоятельно работал. Настаивал на том, чтобы работать одному. А это вам зачем? – она неожиданно кивнула на мой блокнот.
– Как зачем? – с недоумением посмотрел я на нее.
– Вы хоть видите, что пишете? Может, попробуем так? – она взяла магнитофон с полки и поставила микрофон перед нами. – Так лучше, да?
– Вы уверены в этом своем аппарате?
– Этот „аппарат“ – „Хитачи“, – улыбнулась она.
– Хорошо, – захлопнул я свой блокнот. – Жоро... то есть Коста, где родился. Откуда он приехал в Софию.
– Из Хасково. Там живут его родители.
– А почему он ушел с вашего предприятия? Другую, лучше оплачиваемую работу нашел?
– Моя начальница перестала верить его справкам.
– Каким справкам?
– Не выходил на работу по болезни.
– Не очень-то он на больного был похож.
– А он и не был больным. Но через разных сестер и врачих он себе их устраивал.
– Он за ними ухаживал?
– Особо не старался, но они воображали себе многое... Ну, иногда приходилось ему жертвовать собой. Не было выхода!
– И часто он „болел“?
– Да... особенно летом. Он работал на частных стройках. Необходимо было оправдывать свои отсутствия.
– Значит, справки... – призадумался я, пробуя связать как-то болезненную бледность Стажеришки, липовые бюллетени Жоро с огромной дозой снотворных таблеток в его желудке...
– Мне кажется, что вы зря с ним время теряете, – отвлекла меня от этих мыслей Петранка. – Он давно уже где-то в другом месте... Далеко от нас.
– Да, – я посмотрел на нее внимательно. – Он так далеко от нас, что вы не можете себе представить... Но это совсем недавно случилось, всего несколько месяцев назад...

Она никакого внимания на мой намек не обратила и рассеянно махнула рукой:
– Он давным-давно в другую игру играет...
– Почему вы так думаете?
– Потому что он сумасшедший... Вдолбил себе в голову, что будет жить не сегодня, а завтра... Жертвовал всей своей сегодняшней жизнью для того, чтобы жить завтра... Абсолютный скряга: в одной и той же одеженке и зимой, и летом, ест что попало, где попало, только бы подешевле... Иногда говорил мне, что если бы мог ни есть, ни спать, так с утра до вечера работал бы, чтобы копить эти проклятые деньги.
– А много денег ему хотелось накопить?

– Никогда не уточнял. Он мечтал о роскошной квартире и шикарной вилле, обставленных по каталогу, мечтал о престижной машине и яхте... Обо всем том, о чем мечтают только более зажиточные люди. А он был беден. Начинал с нуля. Шансы... сами понимаете.

– С тех пор, как покинул ваше предприятие, он вам не звонил?
– Нет.
– А вы... Вы его не пробовали разыскать?
– А зачем он мне? – откровенность девушки была полной. Она нагнулась ко мне. – Я правду вам говорю, с тех пор, как он перестал ко мне приходить, я успокоилась.

Наступило молчание. Как будто мы уже все рассказали о Жоро. И не только о нем. Я чувствовал себя бесконечно усталым. Чего только не делал, какие только планы не строил чтобы докопаться до сути этого человека, до его личности. А вот сейчас докопался, а радоваться – нет сил. Все, что узнал, было так тривиально, так глупо, что не хотелось и думать про него. Усталость давила на меня все жестче. „Только бы не упасть, – думал я. – Только бы не уснуть...“

– А, может быть, вы сварите мне кофе? – улыбнулся я.

– А не взорвется ли ваше сердце?

– Ну, и пусть взорвется, – ответил я. – Для чего он мне? Без сердца, может быть, мне будет легче.

– Ну, ие шутите с огнем!

– Хорошо, – вздохиул я. – Все-таки подумайте... Может быть, что-то важиое забыли...

– Что? – она осмотрела комиату, словио что-то искала, взгляды иаши встретились, она опустила голову: – Такой красивый, господи, такое одухотворенное и открытое лицо... А как подумаю: какую мелкую, невзрачную игру он вел... Это ему дико не шло! В то мгиовение, когда узнала правду, я была потрясеиа. Это... как вам объяснить, все равно, что увидеть хромую балерину на сцене.

– А вам он ничего не оставил? – вздохнул я.

– Нет, – с горечью улыбнулась она. – У него не было привычки оставлять. Он обычио брал.

– И все-таки... Адреса, телефоиные номера... Блокнот...

– Блокнот! – махнула пренебрежительно Петранка. – Это для иего неслыхаииой расточительностью было бы. Если ему приходилось что-то записывать, то он это делал на трамвайном билетике. Однако, – она застыла, – подождите... Подождите! – оиа стала быстро перебирать кассеты иа полке, выиула одиу из иих, посмотрела на иее иа свет и вставила в магнитофои. – Вот... совсем случайно он мне оставил.

– Эту кассету?

– Нет, подождите, – она иажала на кнопку, и в комнате загремел вялый, но довольно энергичный, подчеркивающий каждое слово мужской голос: „Вполне возможно, что я идиот, но это вам не дает право...“ Послышался шум, затем тихая музыка...

– Что это? – от волнения я потерял голос.

– Это его голос.

– По какому поводу записаио?

– Без повода. Наверное, не знала, что делать, и записала его. То, что вы услышали, – одно из любимых изречений, когда, по его мнению, его за дурака принимали.

– И вы тоже так к нему относились?

– Он очевидио так думал. Ему ие верилось, что я замуж за него ие собираюсь.

– Наверное, вы очень дорожите этой кассетой? – спросил я несмело, взгляд девушки был несколько недоуменным, и я уточнил. – Все-таки, это единственная вещь, которая от него у вас осталась.

– Я забыла про нее, – ответила Петранка. – Да и не хочу вспоминать о потерянном времеии. Все равно, что у тебя было желание пойти куда-то, чтобы посмотреть что-то прекрасиое, ты так долго шел и накоиец – ничего...

– А вы мне дадите эту кассету?

– Что мне жалко что ли... Вот, возьмите и другую, с вашей записью...

– Благодарю, – с трудом я поднял руку, чтоб сунуть их в карман. Воздух словно был из жести, я едва преодолевал его сопротивление. Еще минуту побыть мне здесь, в этом девичьем уюте, – подумал я, – и с этими яствами в желудке и уснул бы сразу“. Но все-таки неприлично сразу уходить. „Напился, наелся, и сразу смываться, – тоже нехорошо...“ Петранка будто ощутила мои терзания.

– Вы... только ради него пришли ко мне? – спросила оиа.

– Нет, конечно, – попробовал я убедить ее взглядом. – Не только ради него...

– Это уже кое-что, – грустно улыбнулась она.

– Я не раз собирался вам позвоиить, – начал я скороговоркой, но задохнулся. – Даже позавчера... когда вам на работу звонил... я вообще не знал, что Жоро был вашим знакомым. Мне просто было приятно.

– Это правда? – неуверенная улыбка украсила ее лицо, оно похорошело, а в глазах ее, мне так показалось, появились предательские капельки...

– Я это вам честно говорю! Мне так хорошо было, что даже испугался... И поспешил положить трубку.

– Почему? – проплакал ее голос.

– Я испугался за себя, что могу поддаться искушению. У нас обычно так получается... Без ног остаешься от беготни, а если поддашься искушению свернуть в отрадный уголок, потом тебе еще сильнее придется бегать. А я больше не могу... Никаких сил ие осталось. И не так уже я молод.

Слова эти застряли у меня в горле. Воздуха, наполняющего легкие, оказалось недостаточно, чтобы вытолкнуть наружу.

– Ну, мне пора, – только это я смог выдавить из моего горла.

– Это невозможно, – покачала она головой.

Я пожал плечами: „Почему?“

– Не продержитесь долго на ногах...

– Такси...

– И до такси вам не дойти.

– А я попробую...

– Останьтесь у меня, – проплакала она. – Я на кухню пойду. Но буду знать, что вы здесь, что существуете... что все это правда.

– Не навоображали ли вы слишком много? – язык мой стал толстым, и в этот миг я понял, что засыпаю. Голова опустилась, я вздрогнул. Девушка придерживала меня за плечо, чтобы я не стукнулся лбом об стол.

– Вот, – она улыбнулась мне.

– Телефон... – захрипело мое горло.

Я смотрел на нее угрожающе, готов был даже возненавидеть ее только за то, что она внушала мне, что сейчас у меня другого выхода нет. Тем более, что она была права.

Она подала мне телефон, наклонилась ко мне и мстительно жуя слова, со слезами в голосе спросила:

– А вам запрещают?

– Я... – я напрягся, – мне надо быть там...

И пока я набирал номер такси, в моем сумрачном сознании словно зигзагом далекой молнии блеснуло: „Ну, а если что-нибудь с Иво... сейчас... и трезвонят дома... меня там нет... Господи!“ Я знал, что из себя представляет этот полуночный угрожающий телефонный зуммер. Знал также, что если бы я находился сейчас дома, и меня бы вызвали этой ночью, я все равно был бы не в состоянии добраться до больницы. Знал, что я труп. Настоящая тряпка. И несмотря на все это, я подал трубку девушке и кивнул ей: „Давай!“

И на этом лента моих воспоминаний обрывается.

15

Мальчик появился неожиданно, быстро, словно пуля. Одна штанина его пижамы болталась пустой, однако, он так стремительно летел на своих костылях, так неустанно ходил по садику, что его пустая штанина казалась лишь недоразумением...

Я гулял с Иво, катая его в коляске, и ждал машину. Мне предстояла командировка – я так давно не бывал в командировках.

После того, как сын успешно вышел из трехсуточной комы, все сестры и врачи удивленно смотрели на него. По всему было видно, что он опроверг их прогнозы. Они были очень внимательны с ним. „Теперь тебе остается броситься бежать по коридорам, – смеялись они, – а нам-то за тобой не угнаться“. Они смеялись, но я был убежден, что это скоро случится, что мы вернемся домой, забудем этот выскобленный до бела мир больницы. Потом Иво сам будет приходить на диализ, как все остальные больные, вернется к жизни...

Много раз я просил его встать, выпрямиться и сделать всего несколько шагов. Но он лишь кивал головой, не желая показать необъяснимый ужас в его глазах: „Лучше быть целым в коляске, чем на земле со сломанными костями...“

Напрасно я его обнадеживал.

Мы с Иво сидели в больничном саду и наблюдали за мальчиком, который буквально летал на своих костылях. Калека, он был прекрасным в своем неукротимом стремлении жить: тело его струной вытягивалось и так выбрасывалось вверх, словно он собрался перепрыгнуть через ограды больницы. И ни на миг не останавливался. В этот ранний утренний час, когда больница только пробуждалась, он мстил ей за свое несчастье, за отчаяние, за те дни и ночи, когда тело его корчилось от боли.

Мы оба наблюдали за мальчиком с молчаливым восхищением. Мне хотелось предложить сыну: „Давай и мы!“ – однако я боялся произнести эти слова. Вцепившись в ручки кресла, сын приподнимался, увлеченный напористым бегом мальчика, машинально повторял его движения, словно собрался броситься вслед за ним... Нечаянно как-то наши глаза встретились. „Ну, что?“ – спросил я его.

– Да, – ответил он приглушенно. – Да... Подожди...

Когда мальчик на костылях быстро скрылся из виду, сын оглянулся по сторонам – не смотрит ли кто на нас? – и с нетерпением напомнил:

– Давай.... Побыстрее...

Я подхватил его под мышки, помог выпрямиться, он замахал неуверенно руками, ища опору, все еще не доверяя своим ногам. Я схватил его руку и ощутил, как пальцы цеплялись с ожесточением за мою кисть, будто хотели разорвать ее. Его тело дрожало... в неудержимом, паническом страхе.

– Вперед! – приказал я ему.

Он сделал шаг, вытянув шею, приподняв голову, зажмурив глаза, будто пронзенный болью или невыразимым удовлетворением. Я подтолкнул его легонько, он сделал еще шаг, потом еще, но в тот момент, когда я уже собрался похвалить его – „Молодец! Вот видишь, и ты можешь“ – ноги его зашатались, и он потерял равновесие. Я проследил за его взглядом: две санитарки с баками шли навстречу нам, они шли за завтраком. Иво смотрел на них с ненавистью и ужасом.

– Не могу! – простонал он. – Ты слышишь? Быстро... коляску!

Я поддался его панике, потащил его назад, ноги его волоклись по песку... Я усадил его в коляску, а сам еле дотащился до скамейки. Мимо нас прошел мальчишка на костылях...

Сын со слезами в глазах смотрел ему вслед. Он плакал от бессилия, в глазах горела зависть.

А кому он завидовал?...

16

Мы ехали в Хасково.

Расслабившись, я сидел на задием сиденье, зажмурив глаза под теплой струей ветра. По пути нам попадались сжатые поля, пестрые деревеньки. Простор дышал мие в лицо, и я ощущал сладкий запах сожжеиных зноем стерни, свежевыпечеиного хлеба... Мимо проносились деревья, заброшенный в каиаву велосипед, рядом с которым целовались пареиь с девушкой...

Нежный ветер как бы невзначай снимал с моего тела и души слои пережитого мною ужаса, отчаяиия и подавлениости, раздевал меия, и я несся навстречу ему – иеобремеиеииый, овеяииый неспокойным чувством свободы.

На одиом крутом повороте машину тряхиуло, и зто вывело меня из мечтательного состояиия. „Хватит грез! – подумал я. – Пора возвращаться иа землю“. Я раскрыл папку. Мои ребята хорошо потрудились в зти дни. Справки, которые изготовил мой помощиик Кыиев, могли бы послужить зталоном. И так... „Коста Леков Гоголешев... Родился 10 октября 1962 года в городе Хасково в семье рабочих. Его отец свыше сорока лет работал в строительстве, мать работала в школьной столовой. В настоящее время оба – пеисионеры. Коста окончил строительный техникум. Учился прилежно, выделялся интеллигентностью и скромиостью. В школе и в армии замечаиий не нмел. Сразу после увольнения приехал в Софию. Поступил на работу в восемнадцатый район „Ремонтстроя“. В течение года тридцать два раза был на больничном: по три дня каждый раз. Диагноз: ангина. Ушел с работы по собствениому желанию. Занялся частным строительством. Элеонора Вылева, хозяйка умершего, утверждает, что он был безупречным постояльцем: плату за квартиру отдавал вперед и еще точиую сумму за воду и электроэнергию. В комнату к себе никого не водил, не собирал компаний, жил очень скромно. Под матрацем пострадавшего нашли две сберкнижки на сумму сорок две тысячи левов. Первый внос сделал пять лет тому назад. Обычно Жоро виосил крупные суммы – по тысяче, по две тысячи левов...

...Он позиакомился со Стажеришкой в начале этого года. Предполагается, что иа корыстной почве. Ссор между ними не было. Свидетельница Розалинда Георгиева утверждает, что пострадавший расспрашивал ее о Стажеришке в то время, когда последиий не был дома...

Я закрыл глаза и попытался представить себе Жоро. Я видел его идущим по крышам, угрюмого и мрачного, представлял его в сумрачной квартирке Петранки, на стоянке... Мне хотелось увидеть его отовсюду, снова услышать его голос: „Вполне возможно, что я идиот, но зто вам ие дает право...“ – чтобы понять, каким образом ои дошел до абсурдиой мысли отказаться от собственной личиости, от каждого дня своей жизни, который предлагал ему уйму искушеиий, как любому красавцу. Каким образом он дошел до невероятного решения – вычеркнуть себя из списка живых во имя нереальной уютиой жизни в будущем? Навериое, однообразие быта в отцовском доме, ежедиевные ограиичения, равнодушие, которое он встречал в компаииях, убедили его, что лучше добровольно похоронить все это, а потом заработать денег, много денег и купить себе счастливое будущее... В его сиах, может быть, сияли роскошью квартиры, злегаитиые виллы, мурлыкал „Мерседес“, развевались паруса яхты...

Не хотел, чтобы о нем что-либо знали – ни имя, ии место рождения. А, может быть, какая-то суевериая убеждеиность преисполняла его – ои думал, что если люди узнают что-то о нем, то помешают сму осуществить его мечты, украдут его душу... Навериое, большая сила была иужна ему, чтобы он каждый деиь прикрывал свою красоту ужасающей безличиостью, чтоб заменил свое прекрасное имя на иичего ие значащее „Жоро“, чтобы своему крепкому здоровью приписал множество болезией, а своей ловкости – неуклюжесть, и ходил как сумасшедший, по крутым крышам, рискуя жизнью...

Сам это делал и был готов драться за зто, чтобы быть никем, иикаким, и чтобы никто не нитересовался им. Самое удивительное было то, что до сегодняшнего дня никто не стал разыскивать его.

„Действительно ли он все свои долги заплатнл? – спрашивал я себя. – Действительно ли никому он ие нужен?“

Пока Кнриллов с Крыстановым обсуждали мой плаи, я сказал: „И все-таки совсем несправедливо то, что у иего отняли едннствеииую возможиость стать другим“. „Едва ли, – улыбнулся Кирнллов. – Подобные типы не меняются“. Тогда я вспыхнул: „Не понимаю этого скептицнзма... Верим чему угодно, любой машине, созданной человеком (хотя машина сотии раз подводила человека), а как раз этому человеку, над которой вселениая труднлась сотии тысяч лет, мы ие верим. Мы даже радуемся, когда он срывается. Вот, думаем, этого мы и ожидали“.

Я предполагал, что встреча с родителями Жоро будет мучительной. Их малеиький домик белел среди небольшого сада. К каждому дереву, к каждому цветку здесь притрагивалась заботливая рука. Цемеитиые дорожки, недавно вымытые, излучали успокаивающую прохладу...

Меня встретил уже троиутый годами худощавый мужчиия. Улыбнулся мие любезно, смерив меня взглядом из-под очков:

– По какому вопросу?

Я показал ему удостоверение, он кивнул:

– Его здесь нет, – еле выговорил он.
– А вы как угадали, что я насчет вашего сына?
– Проходите, – не ответил он мне на вопрос и повел меня к миниатюрной беседке, где могли разместиться лишь два человека. „Здесь, наверное, играют в нарды“, – подумал я.
– Только тише, – предупредил меня мужчина. – Моя жена больна, не хочу, чтобы она поняла...
– Что? – я посмотрел ему в глаза.
Мужчина опять не ответил, только кивнул головой.
– Я его предупреждал, предупреждал, – простонал он. – Это добром не кончится...
– Что вам известно о нем?
– Ничего, – резко ответил он. – Ничего... Но это не так уж мало – ничего не знать о своем единственном сыне.
– Да, – сказал я.
– Он нас бросил, товарищ! – проплакал отец. – Он нас до такой степени ненавидит, он нас не хочет видеть.
– Почему?
– Он к большому стремится, а мы – люди маленькие... Что могли, сделали, – он развел руками. – Всегда был сыт, обут, всю душу ему отдавали... Чего ему не хватало?
Из дома вышла толстая, опухшая женщина, взяла стул и направилась к нам...
– Однажды он нас проклял, – прошептал мне отец. – „Раз вы боитесь выйти из своей тени, – сказал он нам, – так умрите в ней“.
Женщина спросила своего мужа о чем-то взглядом, он слегка кивнул ей, вздохнув, она рухнула на стул.
– Вы к нему никогда не обращались? – спросил я.
– Нет, не обращались, – пожал плечами отец.
– Вот, что я вам скажу, – предупредила меня мать, – если у него долги, пусть сам рассчитывается. У нас ничего нет.
Я вынул сберкнижки Жоро и бросил их на стол.
– Вот, – сказал я. – Это осталось от него.
– А он? – они поднялись, я растаял под их взглядами. – Где он?
Как мог я сказать им, что их единственный сын давно лежит в холодильной камере где-то в Медицинской академии, окоченевший, уже высохший от мороза, и что до вчерашнего дня никто не знал, кто он и откуда?
– Вам необходимо поехать со мной, – я встал из-за стола.
Женщина опустилась на стул, закрыла лицо руками и заплакала. – Не хочу... Никуда не поеду...

17

Я усадил сына в коляску, и мы двинулись. Когда выходили из лифта, я наклонился к нему:
– Сынок, тебе надо пойти, – сказал я ему. – Тебе надо преодолеть страх. Ну, раздави его... Разбей его проклятую морду... Будь мужчиной!
– Хорошо, – махнул он рукой. – Толкай быстрее, а то опоздаем...
Я вывез его по крутому съезду во двор.
– Не тяни! – настаивал я.
– Ну, а если опоздаем, – ожесточился мальчик, – ты будешь с врачами говорить.
– Посмотри на часы! У нас еще столько времени...
– Толкай меня, не хочу больше торчать здесь, чтобы все на меня глазели.
Я оперся о коляску. Чувствовал себя усталым, опустошенным.
– Всю жизнь на тебя будут смотреть, сын, – сказал я. Именно от этого тебе не спастись...
– Хорошо... Давай! – он попробовал руками толкнуть колеса коляски.
Но я держал ее всей своей тяжестью. Иво недоуменно посмотрел на меня:
– Ты... чего хочешь?
– Отдыхаю, – ответил я и снова наклонился к нему. – Ты помнишь, как начал ходить, когда был маленьким?
– Как? – улыбнулся он. – Ведь я был...
– А я помню, – перебил его я. – Ты сделал это так легко, словно ходил еще... в животе матери.
Иво расхохотался и посмотрел на меня с любопытством.
– И я был рядом с тобой, готовый подхватить тебя, если ты пошатнешься, – продолжил я. – Сейчас тебе опять предстоит это – начать ходить. Верь мне, я опять рядом с тобой. Все равно, что ты опираешься на меня. Иди...

Иво притих насупленный. Он сосредоточенно глядел в землю, словно от нее ждал какого-то ответа. Смерил взглядом расстояние, вздохнул: „Потом ты будешь отвечать за все!“ – покачал головой и со всей силой оттолкнулся; оттолкнулся руками и ногами и пошел... Пошел стремительно, подпрыгивая как раненое кенгуру: левое плечо вперед, левая нога, правое плечо вперед, правая нога...
Он на одном дыхании прошел все расстояние. Будто вслепую, одолел его, сломал его. Иво лег на перила и повернулся ко мне.
– Видел? – спросил он, задыхаясь.
– Здорово! Молодец! – от волнения голос мой стал сиплым.
– Какой молодец! – рассердился он. – Я чуть не упал, а ты стоишь...
– Скажи спасибо, что я все еще держусь на ногах, – ответил я.

Иво расхохотался. В его смехе прозвучали нотки гордости: он превозмог свою слабость, – нотки превосходства. „Ишь ты!“ – я был готов рассердиться, но пораженный внезапно блеснувшей во мне мыслью, спокойно сказал себе: „Пусть! Так надо... Так и должно быть“.

18

В зто утро мы иачали реализацию плаиа. Марко предупреднл иас что очень скоро будет повод прибрать Стажернשку. В последнее время между иим н его спутннцей пронсходнли такие скаидалы, что даже паиелн дома отчаянно скрипелн в местах соедниеиия.

И вот час пробнл.

Стажеришку н его спутиицу – рыжее пропитанное алкоголем существо, давио знакомое иашим службам, заинмающнмся валютиыми махииациямн – привезли в районное управление.

Повод оказался совсем пустяковым – систематнческое нарушенне общественного порядка.

За несколько дией до зтого мы постарались „модернизнровать" комнату прнема иа первом зтаже: установилн в ней громкоговоритель, белой краской так покраснли ее стекляииую часть, отделяющую комиату от коридора, проходящего мимо пропускиой, что человек, иаходящийся в ией, мог видеть людей, иаходящнхся в коридоре, только от пола до пояса.

Все шло по нашему плаиу. Я был возбуждеи, руки слегка дрожалн, пока прикуривал. Во мие светлело какое-то радостиое чувство без названня, даже хотелось петь...

Ввелн Стажеришку и его спутннцу в комнату приема. У нас была отлнчная возможиость иаблюдать за ннмн. Онн осмотрелнсь в пустом помещеннн и селн. С напряжеиным от злобы лицом, иапуганный, Стажеришка вскакивал каждые пять мииут и шагал по комиате – лихорадочио и нервно, то н дело оглядываясь по стороиам. Наверное, н язва начала его мучить.

– Вот, смотрн что ты наделала, – тнхо говорил ои своей спутнице.

– Обо всем расскажу! Обо всем расскажу! – сжимала кулакн она н во весь голос смеялась над его страхамн.

Он даже ие выдержал н попытался ударнть ее, жеищииа сразу запнщала. „Ну, н представленне!" – нахмурнлся я н кнвнул старшнне. Ои включил микрофои.

– Розалня Костова! Розалня Костова! – прогремел громкоговоритель.

Рыжая подскочила и осмотрелась как оглушенная.

– Да, я... – глупо пронзнесла оиа. – Что?

– Розалия Костова! – вылетело нз громкоговорителя. – Вас ждут... Второй этаж, восьмая комната...

Дверь автоматическн открылась, и жеищина, все еще ие верившая своим глазам, поспешила выскочить. Постовой указал ей иа лестиицу.

Стажернשка попытался выбежать за ией, ио дверь закрылась перед его носом.

– Ну и техннка! – с иасмешкой посмотрел он на громкоговоритель.

„Конечно, – подумал я, – не японская, ио тебе и такой хватит". Как будто ощутив мой угрозу, Стажеришка присел иа скамейку н застыл. Его мозг лихорадочно работал, что-то там переживал, безумные теии метались по его лнцу, словио в зту мннуту ои с кем-то спорил. Глубокие вздохн вырывались из его грудн, ему хотелось разом освободиться от всех свонх страхов.

Я зашел в комиату, в которую до этого вошла спутиица Стажерншкн. Оиа сидела напротив Кынева, дерзко постукивая ручкой по столу: „Ну, давайте поговорим, как иителлнгеитиые люди!" „Пишите, пншите!" – как-то иерешнтельио иаставлял ее Кыиев.

– Что здесь пронсходнт? – строго выпрямился я у порога.

– Не хочет пнсать, – кнвиул в стороиу девушки Кыиев. – Заставляет упрашивать ее...

– Это так? – я свысока посмотрел на иее. – Но вам нзвестно, что мы ие любим долго просить?

– Известио, – грустио улыбиулась оиа. – Но о чем мне пнсать?

– Я вам уже сказал, – рассердился Кынев. – Все, что знаете о вашем любнмом. Чем он заннмался в последнее время.

– М-м, – просопела презрнтельно она. – Я многое могу рассказать о ием...

– Ну и рассказывайте тогда! – поощрнл я ее.

– М-м! – опять просопела она. – Самый большой мошенннк в Софин...

– Хорошо, – сказал я. – Напишите это... иас одиако иитересует, где он был и что делал в иочь с двадцать седьмого иа двадцать восьмое апреля.

– Подождите, – поднялась оиа. – Это... когда было?

– В иочь со вторннка на среду, – я не иуждался в календаре. Этн два дия – вторннк и среда – врезались в мою память.

– Точно, – воскликиула она. – Мы ездили в Пампорово. Ои обманул меня, будто там миого снега, и мы будем кататься иа лыжах.

– И в чем он вас обманул еще?

– Что у него миого деисг. Как всегда...

– Сколько дней вы провели в Пампорово?
– Три. Так как не было денег. Он сказал, что потерял бумажник по дороге. Он н бумажннк!...
– В котором часу ночи вы уехалн? – нагнулся я к ней.
– Около полуночи было.. Он взял меня прямо нз бара „Софии". Даже к нам нс заехали, чтобы я взяла спортивную форму.
– А вы предварительно с ним договаривалнсь?
– Да, я должна была звоннть по какому-то телефону. Он говорил, что это очень важно. А потом собирались к нам заехать.
– Почему вы спешили?
– „Спешили", – передразнила она меня и захнхикала. – Да мы прямо улетучились. Как при звакуацин. По дороге чуть не разбились...
– Но почему?
– Он говорил, что какая-то ошибка произошла, и нам нужно было той же ночью занять номер в гостинице, иначе ночевать пришлось бы в снегу.
– А со снегом как обстоялн дела? – улыбнулся я.
– Снег был... ровно на одну снежную бабу...
– Назовите номер телефона, по которому вы должны были звонить? И зачем?
– Не знаю. Он не объяснил мне. Только, когда пришел в бар, чтобы забрать меня, сказал, что больше нет нужды... Он сам все сделал.
– Ну да, – вздохнул я. – Теперь все это напишите на бумаге.
– Вот в этом деле я не мастер.
– В каком деле?
– В письмс.
– Ну-у! – подмигнул я сй. – Ведь мы интеллигентные люди. Не будем на себя наговаривать.
– Хорошо, товарищ! - взмахнула она ручкой. – Для тебя – сделаю!

Я спустился вниз, на проходную. Напротив нас Стажеришка демонстративно разлегся на скамейке: смотрнте на меня, мне все безразлично! А на самом деле было далеко не так. Я посмотрел на часы. „Только бы зта интеллигентная женщина нас нс задержала!" – подумал я. – Ее приятель совсем перегреется".

Минут через десять принесли ее показания. И правда, мастером в этом деле она не была: нацарапала всего-навсего двадцать строчек без намека на пунктуацию, но самое главное, о чем я разговаривал с ней, в них было.

Я поднял руку: „Внимание! Начинаем!".
На улице послышался шум подъезжающей машины, свнстнули тормоза, оглушительно хлопнули двери. Стажерншка уставился на неокрашенную полосу стекла. В коридор вошел Марко, одетый в джннсовый костюм убитого. Лицо Стажеришки вытянулось, губы задрожали. Сейчас он хорошо видел знакомые ему до боли огромные кожаные нашивки с надписью „Левнс". В динамике прогремело: „Вполне возможно, что я идиот, но зто вам не дает право..."
– Тебе ннкто слова не давал, – сердито отрезал старшина.
Стажеришка вскочил, начал оглядываться как сумасшедший. „Только бы в обморок не упал!" – подумал я. Он бросился к зарешеченным окнам, толкнулся в ннх, потом спустился к двери. Быстро нагнулся, словно кто-то дернул его, и опять уставился на прозрачную полосу стекла.
– Коста Леков Гоголешев, – докладывал громко старшина. – Да, из „Пироговки"...
Страшная судорога искривила лнцо Стажеришки. Его рот раззинулся будто в нечеловеческом крике, однако из горла не вырвался ни однн звук. „Вполне возможно, что я идиот, но зто не дает вам право..." – опять прогремело в динамнке...
– Иди, иди! – перебил его добродушно старшина. – Там, наверху тебя ожидает твой друг.

Хлопнули двери. Прозвучали шаги. Стажерншка начал бегать вдоль стены, он весь дрожал как осиновый лист. На него было страшно смотреть. Он бегал монотонно, с каким-то тупым упрямством, как волк в клетке, и напрасно искал выхода. Опять остановился перед решетками, взялся обеимн руками за стальные прутья, дернул нх сильно, но не резко, чтобы не зазвенели, попробовал вынуть их. Его бледное лицо потемнело, в своем усилнн он был похож на штангиста. Он весь устремился вверх, дрожь продолжала его трясти время от временн. „Только бы не потерял сознание!" – Стажеришка вытянулся, если бы сейчас где-то на потолке или на стене появилась щель, он как червяк прорвался бы сквозь нее... Но в этой комнате все было плотно закрыто.

Он наконец-то понял бесплодность своих усилий, подбежал к дверн н стал трясти ее.
– Что там происходит? – леннво спросил старшина.
– До каких пор будете меня здесь держать? – вспыхнул Стажеришка, сразу превратившийся в олицетворенне возмущенного гражданина. – На что зто похоже?
– Спокойно, – ответнл милнцнонер н открыл дверь. – Твой человек ожидает тебя наверху...
– Какой человек? – дернулся Стажеришка.
– Увидишь, – старшина взял его под руку. – Идем...
Они подымались по лестннце. Стажернщка тайком

бросал взгляды, все еще искал выход, пути к бегству, но как раз в это время на лестнице находились несколько милиционеров, они разговаривали между собой, смеялись... Он вздохнул и покорился своей судьбе. На его физиономии опять застыла надменная маска.

Крыстанов встретил его подчеркнуто учтиво, даже как-то торжественно. Пригласил сесть. Стажеришка удобно расположился на стуле, закинув ногу за ногу... Казалось, он смог овладеть собой, но две фотографии на столе привлекли его внимание. Он поджал губы, чтобы не выругаться. На фотографиях были видны упаковки „Фризиума" с увеличенными и надписанными отпечатками пальцев Жоро и Стажеришки. Он так был поглощен их разглядыванием, что не заметил меня. Я сел в углу напротив него. Стажеришка вздохнул: теперь ему все становилось ясным.

– Вы подозреваетесь в том, что в ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое апреля... – строго начал Крыстанов, пропел необходимые в подобных случаях слова и добавил: – Улики налицо, свидетели – тоже. Так что советую вам – правда и только правда.

Стажеришка кивнул.

– Речь идет о Косте Лекове Гоголешеве, – смерил его взглядом Крыстанов.

– Нет! – подскочил Стажеришка. – Только не это! Это не нужно! Прошу вас...

– Что не нужно?

– Встречать нас с ним. Он меня убьет! – заплакал Стажеришка. – Предупреждаю вас... Он меня убьет на ваших глазах. Не говорите потом, что я вас не предупредил. Я все расскажу...

– Хорошо, успокойтесь, – кивнул ему следователь. – Принимаю во внимание вашу просьбу.

– Он убьет меня, – продолжал бормотать Стажеришка. – Он и тогда... Я действовал в цель самозащиты. Только защищаясь.

– Хорошо, говорите... только я вас предупреждаю, не искажайте правду!

– Ну что вы, – услужливо согнулся Стажеришка, разве что не добавил: „К вашим услугам!" – Можно я закурю?

– Прошу... Я вас слушаю.

Стажеришка, сосредоточившись, выпустил дым.

– Вот этот Жоро – крупнейший в Софии мошенник, – начал он тихо и спокойно. – Он намеревался обзавестись медицинским свидетельством об инвалидности и в течение двух-трех лет, числясь где-нибудь на работе, чтобы не выгнали из столицы, работать на частных стройках. Кто-то сказал ему, что меня освободили от службы в армии по состоянию здоровья, что я знаком с врачами и могу помочь ему. Однажды он попросил меня устроить ему это. Ну, я ответил ему, что в принципе это возможно, однако членам врачебной комиссии надо денег сунуть. Он спрашивает: „Сколько?" Я ему сказал, что для начала тысячу левов, а на самом деле, в этот момент я остался совершенно без денег...

– Выходит, вы еще тогда знали, что не окажете ему эту „услугу"? – спросил Крыстанов.

– А как я ему сделаю! – пожал плечами Стажеришка. – Это же целый взвод врачей, целая куча подписей...

– И не смотря на это, вы его выудили?

– „Ну, – подумал я, – раз ты хочешь, почему бы нет...". Самое важное было то, что я остался без денег. Я собирался, когда уладятся мои дела, вернуть ему деньги.

– Так... – кивнул Крыстанов, разве что не добавил: „Подобное мы уже слышали".

– Однако мои дела что-то не шли. А он все время приставал ко мне: „Или справку, или деньги! Иначе – знаешь..." Угрожал мне. Чтобы улизнуть от него, я спросил его данные по паспорту – с тех пор знаю его настоящее имя – и сбежал, целый месяц прятался. Думал, что Жоро уже забыл про меня, а однажды он схватил меня перед домом. „Сегодня мы должны решить все наши дела, – сказал он, – иначе, плохи твои дела..." И тогда я решил устроить ему номер. Я так рассуждал, что пока он с милицией толкует, они разберутся, что он за птица и выгонят его из Софии, а потом у него и желание испарится искать меня.

– И какой номер вы ему устроили? – Крыстанов посмотрел на него с интересом.

– Я пригласил его в гости. Приготовил ужин. Я сказал ему, что мы занялись очень трудным делом, но попробуем. Если два раза не получится, на третий – обязательно... Я объяснил ему, что завтра утром мы пойдем в поликлинику на какой-то медицинский осмотр (без этого нельзя), от них зависит, как пойдут дела дальше. „Тебе надо выпить вот эти четыре таблетки, – объяснил я ему, – Стажеришка кивнул на сфотографированные упаковки „Фризиума", – чтобы получилось увеличение печени".

– Вы знали каково действие таблеток? – спросил Крыстанов.

– Разумеется. Я каждый вечер, когда от язвы нестерпимо болит, и я не могу уснуть, принимаю по таблетке... Мне друг привез из-за границы.

– Вам было известио, что это сильиый снотворный препарат?

– Да. Я прииимаю одну-две таблетки, н думал, что он спокойно может прннять четыре таблеткн. Я так и сказал ему, что четыре. „Только четыре?" – спросил он. Я думал, он шутнт. Я был готов выйти нз дому сразу как ои уснет.

– И что вы этнм вынгрывалн?

– Я с моей приятельинцей договорился, что она сразу позвонит в милицию. Так и так, мол, в такой-то квартнре свет горит, слышаи подозрнтельный шум, ннкто не открывает, иаверное грабители... И пока мы кофе попнваем в Пампорово (мы с ней договорились, что сразу поедем туда), Жоро должен был объяснить вам, как оказался в моей квартире. Я зиал, что он будет врать, запутается, и вы поймете, что ои иезакоиио, без прописки жнвет в столице, и выгоните его...

– Хорошо прндумано! – Крыстаиов посмотрел на него, я кивиул утвердительио. – Потом что случнлось?

– Я пошел на кухню, за бутербродамн. Решил, еслн позовет меня – вериусь, если не позовет – подожду еще, чтобы усиул крепко н – бегн отсюда! Он долго сидел тнхо. Я решнл сойтн вниз, машнну подготовить к дороге. Оказалось, что кончнлся бензнн. Объезднл несколько бензостанцнй. Вернулся через час-полтора. Застал вот это, – ои кнвнул на сфотографнрованные упаковки. – Онн былн пустымн. Дотроиулся до иего – ои холодный... Я нспугался.

Стажернщка ломал себе руки, болтал иевиятно, я с трудом улавливал его слова. Да особо и ие иапрягался: дальше мне все было нзвестио: турнстнческая обувь его отца, брезентовое покрывало, угнанная „Латвня", крутой склон Перловской рекн... Из моего ума не выходнлн только его слова, что он всего на час-полтора задержался, не больше. Невозможио, чтобы смерть так быстро иаступила... И на Крыстанова этот факт произвел впечатление.

– В котором часу вы поехалн за бензином? – спросил ои.

– Около десятн, наверное, – промямлнл Стажерншка.

– А когда вернулись? В котором часу?

– В одиииадцать, половние двенадцатого... по телевизору уже шла последняя ннформационная передача.

– А как вы его перенесли? Кто-то помогал вам?

– Нет. Я однн был... Волочнл его.

– Разрешнте мне? – вмешался я.

– Да, – кивнул Крыстаиов.

– Слушайте, – нагнулся я к Стажерншке, – а у вас ие появнлось ощущенне, что вы в реку выбросилн еще жнвого человека?

– Нет! – подскочил ои и замахал руками, будто отгоиял мон слова. – Он был мертвым, мертвым ои был! Совсем холодиым, ие дышал.

– Каким образом вы убедились в том, что он не дышнт?

– Как, – засуетился Стажеришка, – очень просто... Грудь его ие подымалась... Был бледиым... Мертвым...

– А сейчас-то он жнв, – срезал я его. – И вы ии иа минуту не усомнилнсь. Как вы себе объясните это: был мертвым, а сейчас живой?

– Ну... – пожимал плечами Стажеришка. – В медициие все возможио.

– Меднцина еще никого нз могилы ие подымала, – уже злой иагиулся я к иему. – Чтобы его спасти, ему нужно было быть хоть иемиого живым. Вы поиимаете это?

– Да... – Стажеришка то н дело пожнмал плечами как слабоумный.

– Петков! – попробовал вразумить меня следователь.

Однако я не повериулся к нему, так как знал, что ои мие скажет.

– Вы его сброснлн живым, – процеднл я сквозь зубы в лнцо Стажерншке. – Только, чтобы не нашли в вашем доме... Только чтобы не произошел скандал, только чтобы неприятностей не было... Подальше от вашего дома, от вас самого – туда, в реку, а ои – как придется. Но жнвой! – закрнчал я. – Вы слышнте, жнвой...

– Не-е-т, – поднялся Стажеришка.

– Петков, я буду вынужден... – следователь тоже поднялся.

Я закрыл глаза, чтобы не смотреть на них...

„Сейчас начинается большое препнрательство, – подумал я, – большой спор. Жнвого нли мертвого человека он выбросил в реку? Завтра этим делом займутся эксперты, консультанты по меднцннским вопросам, за ннмн прндет очередь адвокатов: „Жнвого или мертвого? Жнвого или мертвого?" Последними скажут свое слово те, у кого большие связи: „Каким пропащим человеком был этот погибшнй! И потом – „Живого нлн мертвого?" – появятся соображеиия иа уровне... А человека больше не будет. Одиого молодого человека... Беззащнтного, поскольку его иет, поскольку отсутствует...

– Петков! – озабочеино прнкрикнул иа меия следователь.

Я встал, пересек вслепую кабиет, бросился на дверь, чуть ие выломал ее н яростно захлопнул за собой.

☐

Совершено убийство, но прежде чем тронуться по следам преступника, следователю необходимо решить другую трудную задачу: установить личность убитого... Никто его не знает, никто его не ищет, никому он не нужен. В конце концов ниоткуда даже не поступает сигнал, что из трудового коллектива, из дома, из семьи исчез человек.

Следя за интригующими перипетиями расследования убийства, автор ненавязчиво и умно затрагивает проблемы жизни и смерти, смысла человеческого бытия.

